A winter landscape featuring a sunset over a calm lake. The sun is low on the horizon, casting a golden glow across the water and the sky. Bare trees stand in the foreground, their silhouettes dark against the bright light. The ground is covered in snow, reflecting the warm colors of the sunset. The overall mood is serene and peaceful.

Н.А.Архангельский

**Удомельские
сказания**

Н.А.Архангельский

«Удомельские сказания»

**«Посвящается моим
землякам – жителям
г.Удомли и Удомельского
района».**

**г.Удомля
2007 год**

ISBN 978-5-94082-036-9

Сдано в набор 26.04.2007. Подписано в печать 8.05.2007
Гарнитура Arial. Формат бумаги 60x84/16.
Усл. печ. Листов 5,25. Печать офсетная. Зак. 1418. Тираж 500.

Отпечатано в ООО «Торжокская типография»
Адрес: г. Торжок, ул. Володарского, д.2

Сердце, влюбленное в Жизнь...

Н.А.АРХАНГЕЛЬСКИЙ родился в селе Молдино Удомельского района. Этот живописный уголок России стал родиной многих талантливых людей. Творческий дух отчего края укрепился и в душе Николая Арсеньевича, разбудив в нем любовь к литературе, поэтическому слову. Этой любви он верен и по сей день. Краевед, поэт, автор трех поэтических сборников «О Родине, о войне», «Осколки памяти моей», «Я живу во времени своем», книг по истории Удомельского района, он и сегодня не расстается с бумагой и пером. Обладая огромной силой воли настоящего мужчины-солдата, он не просто борется с ударами судьбы, но и продолжает творить.

Желание вынести на суд читателя свои мысли и чувства не случайно. За плечами Николая Арсеньевича большая, интересная и сложная жизнь. Огромный опыт дает ему право назидать. Но все же основной темой поэтического творчества автора остается любовь к Отчизне, родному удомельскому краю, к близким людям и землякам, переживание за будущее Отечества. Незаживающей раной сердца остается память о суровых военных годах. Горьким эхом отзывается она в строках поэта-ветерана и инвалида войны, хорошо знающего цену жизни и мира.

В новой книге Николай Арсеньевич предстает перед читателем и в новом качестве поэта-переводчика. Умение понимать чужую душу и передавать все нотки ее переживаний на другом языке - это тоже талант. Читая поэтические переводы автора с украинского языка, легко убеждаешься в этом. Лиричные, трогательные строки незнакомых нам авторов становятся близкими и понятными, вызывая чувство грусти, сопереживания, волнения.

Каждая встреча с поэзией Н.А.АРХАНГЕЛЬСКОГО дарит читателю добрые, светлые минуты общения с человеком, умеющим любить и ценить чувства других. Надеемся, что и эта книга будет интересна читателю. А я желаю автору только одного: пусть подольше стучит его сердце, влюбленное в жизнь, преданное поэзии и высоким принципам добра и справедливости!

Г.Брюквина,
руководитель Удомельского
литературного объединения «Чайка»,
член Союза писателей России.

Удомельские сказания

1.

*Я пока болезнями не сломлен,
Но стою у жизни на краю.
Все мечтаю: о родной Удомле
Песню напоследок пропою.*

2. Самое древнее сказание

Наш район меж Мстою и Мологой
Лег среди озер, лесов, болот.
Лишь по речкам шли сюда дороги
В дикий край невиданных красот.
Было здесь таинственно и страшно,
И земля загадками полна,
Не было пока лугов и пашен,
Дикие бродили племена.
Что там ночью в голову ни лезло:
В дебрях слышен ветра стон и вой,
И пугала на болотах бездна,
А в волнах озерных – водяной.
А вставало поутру светило,
Покидал людей извечный страх.
Днем ловили рыбу, зверя били,
Жарили добычу на кострах.
Кто они? В веках, как снег, растаяв,
Поручили жизнь вести другим.
Нам от них лишь имена остались:
Кезадра, Кубыча и Ульстим.
А тому назад веков пятнадцать
Племена словен явилась рать,
Чтобы вверх по речкам подниматься
И места для жительства искать.
Вот они плывут по речке Съеже,
Лес суровый им поет вокруг,
А гребцы глядят на побережье,
Ищут для стоянки на ночь луг.

Но крутой здесь берег для причала,
И гребут все дальше в верх реки
До неведомого им начала.
Вдруг, законам всяким вопреки,
Речка становилась шире, шире,
И, как в предписании судьбы,
Путники вдруг оказались в мире,
В мире леса, неба и воды.
А вода – озерная, как море,
Это вам не здешняя река!
Лес – стеной по берегу и взгорью,
А над всем, как горы, облака.
Озеро поделено на плесы,
Острова, заливы и мысы,
Да проливы в окоеме сосен
С аккуратной зеленью тресты.
Вепсы жили здесь – народ из финнов.
Высевали рожь, ячмень, овес,
Содержали возле изб скотину,
Жили, как в то время повелось.
И словене рядышком осели.
Всем воды хватало и земли.
Стали понимать язык соседей,
Только слов сказать им не могли.
Озеро по-вепски неудобно
Называть, а надо б поясней,
Стали по-словенски звать Удомлей –
Озером из нескольких частей.

3. Сказание о Млеве и Марфе Посаднице

*«В лето 6455 – 947 иде Ольга ко Новугороду
И уставе по Мъсте погосты и дани»
(Из летописи).*

Шла по Мсте великая княгиня,
Собирая Киевскую Русь.
С той поры стоит погост поныне,
Навевая гордость нам и грусть.
Гордость, что на Мсте шумливой
Княжеским челнам причала нет,
Кроме как в единственном заливе
На ночь встать и ожидать рассвет.
А наутро, оглядев долину
И залив, и лес в гигантский рост,
Изрекла великая княгиня:
«Да отныне будет здесь погост!».
А залив удобным был, хоть мелким,
Сотня лодок поместится в нем,
И погост назвали Млевом предки
По тому заливу с мелким дном.
В Млево повезли дары и дани,
Завелись торговля, ремесло.
Заселили весь погост славяне,
Церковь возвели на Рождество.
Рос погост и богател на славу,
В сотнях лавок люд здесь торговал,
Новую поддерживал державу:
В Новгород слал дани и товар.

И во Млеве родилось сказанье:
Марфа, мол, посадника вдова,
После многолетнего изгнанья
Здесь покой свой вечный обрела.
И на камень с надписью надгробный
Люди зерна и цветы кладут
Марфе как заступнице народной,
И пятьсот лет память берегут.

Документы ж утверждают факты,
Что легенда вымысла полна:
Здесь лежит совсем другая Марфа,
Василя Розстригина жена.
У боярыни была волостка
На Виру, где Мста берет разбег,
А скончалась - на родном погосте
Отпевали, положили в склеп.
Ну а грусть?.. Так это в прошлом было.
Только времени река взяла
Наших предков, славу их и силу,
Были, небылицы и дела.
И уже их никогда не будет,
Не сказать им слова, не понять.
Только знать, что жили-были люди,
Их по книжкам будем вспоминать.
Знать, что прошлое уже неповторимо.
Отошла в средневековье Русь.
Все туда уходит вместе с дымом,
А оттуда к нам приходит грусть.

4. Сказание о средневековой Удомле

Как известно нам из древних списков,
В Новгороде правили всегда
Князь, посадник и архиепископ –
Самые большие господа.
Архиепископ, звавшийся владыкой,
Новгородской церковью управлял,
Да Удомлей, волостью великой,
Где он корм солидный собирал.
А в истоке здешней речки Съежи –
Центр волости – село Никола-Стан.
Здесь же, на озерном побережье, –
Дивные, красивые места.
Посмотри на юг – простор озерный
В ярких блесках солнца и воды;
А на север – землю будто волны
Превратили в горы и бугры.
Вдалеке стоят леса густые,
Ближе – деревенек окоем.
Здесь святая царствует София,
Волостель со здешним тиуном.
А еще был казначей да ключник,
Да еще дружину на Стану
Содержали так, на всякий случай:
Шли оброк собирать, как на войну.
И оброк обозами возили
Из Удомли в Новгород зимой
Для владыки, для святой Софии
Мясо, сено, солод и зерно.
Не было помещиков в Удомле,
Ни князей, ни грозных воевод...
И спокойно жил люд подневольный,
Церковь и себя кормил весь год.
Годы шли, слагались в столетья.
Зарилась на Новгород Литва,
Но пришел москвич-князь Иван Третий,
Предъявив на Новгород права.

Не для славы, а по княжью праву
Веру и язык собрать хотел,
Укрепляя русскую державу,
А Удомлю в личный взял удел.
Правда, князь Иван оброк прибавил,
Но терпел народ, на холода
Запасался рыбой и грибами,
И лесными прочими дарами,
Выживал на собственных хлебах.
А пришел Иван Четвертый, Грозный.
Корчевать стал «новгородский» дух.
И вошла опричнина занозой
В нашу волость людям на беду.
Горький плач да стон, да гневный голос,
Голод, смерть – воистину война.
С той поры кормленческая волость
Начисто была разорена.
И остались людям лишь сказанья
О Литве, тевтонах, о войне,
О страстях, героях и страданьях
В новгородской сказочной стране.

5. Сказание о Двинове острове

Есть на озере Удомле
Двинов остров – дивный остров.
Он встречает грудью волны,
Разогнавшиеся с плесов.
Тыщи лет здесь Двинов остров,
А стоит всегда, как новый.
Нет на нем крутых утесов,
Лишь на горке лес сосновый.
Как живой, на страже вечной
Озирает близь и дали
Беспокойно иль беспечно,
Или мрачно, иль в печали.
Он с Каскова глаз не сводит
И на Стан глядит старинный,
И на Ряд, где солнце всходит
И рождаются былины.
Ночью сказочные лики
Заселяли остров всюду:
То ль то Новгород Великий
Возрождался древним чудом,
То ли Двин – наш бог озерный –
Нежно шепчется с волною,
То ли ветер беспризорный
Обнимается с сосною.
Нынче ж тьма не возникает
От заката до рассвета:
В ночь над островом сияет
Нимб от атомного света.
Здесь я рос, и вот уж - взрослый,
Сказки, таинства – все помню.
Двинов остров – дивный остров,
Украшение Удомли.

6. Сказание о Троице

Где Удомля с Песьвом создают островок
С перемычкой болотной с обеих сторон,
Где бежал из Песьва ручеек – пустячок,
Там возникла обитель с давнишних времен.
Божьи люди поставили церковь при ней,
Стали Троицей Живоначальною звать.
И пошел к ней народ. Островок стал видней,
А к нему пролегла рукотворная гать.
Монастырь стал известен торговым селом.
Рядом встал новый храм Иоанн Богослов.
Засияли кресты, и послышался звон,
На молитву сзывающий, колоколов.
Ненароком сгорел как-то Троицкий Храм.
В селе Троица было с десяток дворов.
Для селений вокруг по лесам, берегам
Стал приходскою церковью Иван Богослов.
А потом деревянную церковь снесли
И поставили там же из камня Собор.
Купола и кресты к облакам вознеслись,
А название осталось – Иван Богослов.
Я в военные годы во тьме кое-как
Плыл на веслах с работы домой отдохнуть,
А Иван Богослов, как волшебный маяк,
Еле видным пятном мне показывал путь.
А когда подходил к его стенам крутым
И смотрел в высоту, в голубой небосклон,
Мне казалось, что я поднимаюсь с ним
В бесконечность пространств
и бескрайность времен.
Стройность звонницы, яркость цветных куполов,
Вид карнизов, колонн, капителей в витках –
Как застывшие в камне седые века –
В них талант с вдохновеньем творцов-мастеров.
Украшеньем округи стоит Богослов.
...А на Троицком кладбище – мир и покой.
Наши предки там спят без желаний, без снов,
И сказанья, и были забрали с собой.

Церковь – память селу и схороненным там,
В опустевшем краю, где царит тишина.
Пусть о прожитом грусть разнесет по волнам
Свежий ветер со Стана иль с Митрошина.

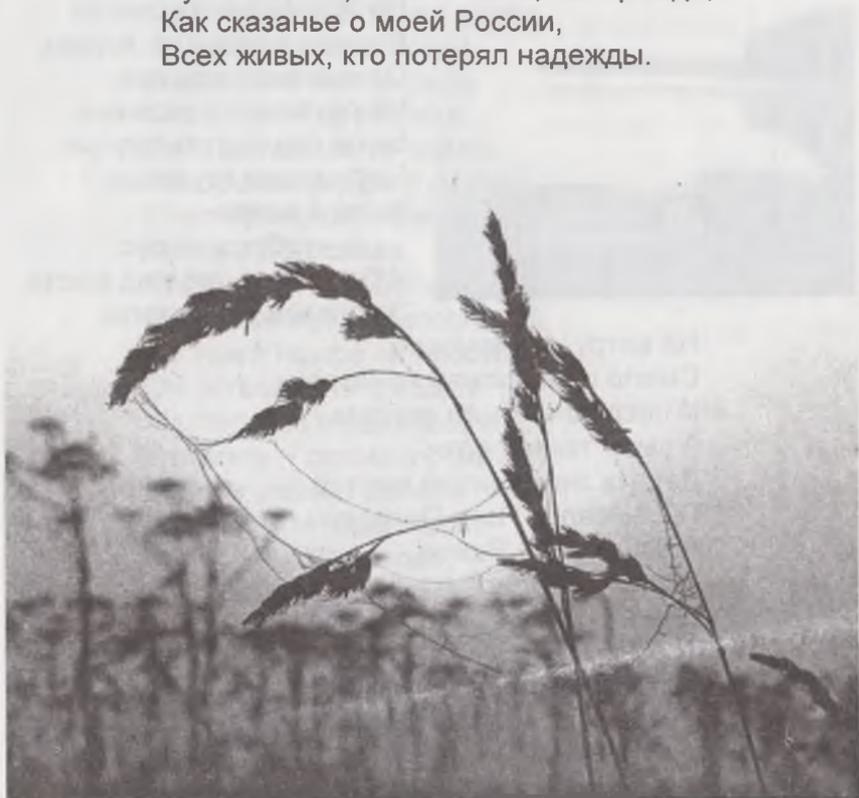

7. Сказание о Спас-Ульстиме

Между Мишугами и Комарном
На поле выпаживали кости
Человеческие, как это ни странно,
В чистом поле, а не на погосте.
Эти кости нагоняли страхи,
Что кровавая была здесь битва.
Била наша Русь литву, поляков,
Может, и людей из мезолита.
А на поле по ночам «казалось»,
Чудились видения и рожи.
Верили, что бабушка сказала,
Или просто пошутил прохожий.
Но отверг виденья и сказанья
Здешний поп Иван Иванович Волков.
Он в церковных книгах и писаньях
Прочитал и всем поведал с толком.
От «Великой Смуты» на Ульстиме
Встал Собор Преображенья Спаса.
Он стоял в том поле, как в пустыне,
Кладбищем печальным опоясан.
Время шло. За двести лет у Храма
Дерево потрескалось и сгнило.
И пора избавиться от хлама,
Чтоб кого-нибудь не задавило.
А была хозяйкой в той округе
Клеопатра, Тормасова дочка.
Сам-то Петр Петрович от недуга
На восьмом десятке жизнь закончил.
И осталась Клепа сиротою,
Да еще, к несчастью, старой девой.
Обломилось древо родовое.
Будущее заменилось верой.
Ищет Клеопатра свет Петровна
От сиротства и тоски лекарство.
И решила, что богоугодно
Церковь обновить приходской пастве.
Сказано – срубили. И поднялся

Новый деревянный Храм просторный,
Только с прежним местом поменялся,
Встал на южном берегу озерном.
То был праздник, вроде бы, крестины.
Освятили Храм под назиданье,
И пошел народ в свою святыню
К слову Божьему, к исповеданью.
Но случилось как-то раз несчастье:
По халатности иль по другой причине
Охватило пламя в одночасье,
И сгорел Храм новый на Ульстиме.
Клепа обливалась слезами,
С ней народ – в болезненном недуге.
Людям только свет и был в том Храме,
В черной жизни приходской округи.
Плачь-не плачь, хозяйка Клеопатра,
Собирай-ка деньги, дочь Петрова,
Чтобы снова к праздничному завтра
Храм светился с берега крутого.
За шестнадцать лет после пожара
Храм построили и освятили.
Не видал народ чудесней дара,
Чтоб ему помещики дарили.
Он высок, кругом – под циркуль арки,
С ними – масса круговых обводов,
И стоит, как памятник хозяйке,
Четко отражаясь в тихих водах.
Я смотрю на очертанья Храма:
Точность линий, верные расчеты.
Только жаль, что вытащены рамы,
Пол украли да еще чего-то.
Тормасовы спят в семейном склепе,
С ними – Клеопатра свет Петровна,
Здесьняя строительница Клепа,
Мастерица дел богоугодных.
А за озером уже не пашут,
Замирает жизнь в колхозном поле.
А властям уже сам черт не страшен,
Оттого кругом нужда и горе.

Храм я поднял бы, лишь были б силы!
Пусть звонит, зовет к себе, как прежде,
Как сказанье о моей России,
Всех живых, кто потерял надежды.

8. Сказание о Яшкове

На Удомельских озерах
Раньше ездили на лодках
Одинаковой модели,
Но различного размера.
Были лодки разъездные,
Были лодки грузовые,
Были с килем,
 чтоб под парус,
И без кия, чтоб под весла.
Эти лодки были легки,

На ветру не парусили,
Смело шли волнам навстречу
И послушны были веслам.
А умел такие лодки
Делать знаменитый мастер,
Прозывался Петр Петрович,
А фамилия – Яшков.
Жил он в Троице с женою.
Дом его, обшитый тесом,
Третьим с краю был села.
Был Яшков пенсионером.
Наклоняться стало трудно,
И под окнами у дома
Он поставил стапеля.
Клал на них для днища доску,
К ней шпангоуты крепились.
Штевни намертво заделав,
Начинал при всем народе
Бортовые доски ставить.
Конопатку зашивал он
Самодельными скобами.
Вот Яшков с улыбкой ходит:
Там пристукнет, здесь поправит.
Сходит в дом, чайку попьет.
А народ не сходит с места,
Все глядит и, рот разинув,
Удивляется, как мастер

Чудо-лодку создает.
Рыбзавод по договору
По пятьсот рублей за штуку
Покупал Яшкова лодки
И ловил на них он рыбу
Ото Мсты и до Мологи...
Он ушел давно из жизни.
Похоронен рядом с домом
Окол Троицкого Храма
Иоанна Богослова.
Рядом спит под белым камнем
Граф Михайло Храповицкий.
Но ушел Яшков не просто:
Он оставил в этом мире
Мастерство и вдохновенье,
В память – скромную улыбку
Да еще уменье делать
Для Удомли чудо-лодки.
Как-то на лесозаводе,
Что у Удорского моста,
Стали тоже делать лодки
Для прогулок, для потехи.
С виду лодки – как Яшкова,
На воде же – непохожи:
Нет ни хода, ни управы,
Ни устойчивости нужной.
В ней далеко не уедешь,
Да еще перевернешься.
Эх, была б Яшкова лодка!
Что ей ветры, что ей волны!
Но уж нет Яшкова лодок,
Только в памяти остался
Образ мастера творений,
Восхищение и зависть,
Что уже неповторимо...
А промчится время мимо,
Обо всем народ забудет...
Так уходят в вечность люди,
И рождаются былины.

9. Сказание о Грозном

В Удомельском парке Победы,
Где павшие воины спят,
Как будто посланец к нам с неба,
Лежит легендарный солдат.
Он был по фамилии Грозный,
По должности – красный пилот.
Он свой самолет

краснозвездный

Водил лишь в учебный полет.

Но враг налетел на границу,

И Грозный пружиной тугой

Свою краснозвездную птицу

Бросает в полет боевой.

Немало звеном сбили фрицев,

И Грозный сбивал мастерски...

Но фронт отошел от границы,

Чтоб немцы не взяли в тиски.

А с фронтом и наши пилоты

Сменили свой аэродром,

Опять продолжая полеты

Над важным узлом - Бологом.

Фашисты бомбили нещадно

Железнодорожный район,

А летчики наши отважно

Сбивали их метким огнем.

Но мало у нас самолетов,

Пустует наш аэродром,

И часто бросались пилоты

На десять фашистов втроем.

Однажды в таком же сраженье

Сбил Грозный один «Фокке-Вульф».

Хотел еще ловким движеньем

Другому дать очередь пуль.

Но кончились боеприпасы...

Тараном бы сбить одного!

Но немцы, они тоже асы,

Вдвоем понесли на него.
Они догоняли, и строчки
Огня окружали стеной.
Пришлось штопора, петли, бочки
Крутить над водой и землей.
А люди хватались за сердце,
Увидев, как Грозный винтом
Шел в небо и падал потом,
Ведь он уводил пару немцев,
Спасая друзей в Бологом.
Народ карусель ту запомнил,
Отчаянный тот самолет,
Над гладью Песьва и Удомли
Кончавший последний полет.
Горючее кончилось. Грозный
Покинул кабину, и тут
Так рано мишенью огромной
Раскрылся над ним парашют.
Фашисты тотчас подскочили
К нему с пулеметным огнем
И, злобствуя, били и били
По мертвому телу вдвоем.
Он пал у Хмелевки на поле
В зеленой округе лесной.
И прах его ныне в Удомле
Обрел себе вечный покой.
Он спит здесь, спустившись к нам с неба.
Шумит над могилой листва,
И рядом у парка Победы
Волнуются воды Песьва.
Пожить ему мало досталось
В двадцатом столетье лихом.
Большая Победа слагалась
Из личных побед над врагом.
И в том от народа признание
Хранится в легендах века,
Как это о Грозном сказанье,
Прочтенное в грустных строках.

10. Сказание о Петрове

Легенду и сказанье в жизни нашей
Сменяет статистический отчет.
И сам Кощей уж никому не страшен,
И ад не принимается в расчет.
И что ж молчит Микула Селяниныч?
И где Садко и Муромец Илья?
Над древней Русью вьется Змей-Горыныч,
И слышен свист разбойный Соловья.
А я нашел героя здесь, в недавнем,
А не в глубоких залежах веков.
Герой былинный с нами жил-был рядом:
Евгений Александрович Петров.
Он был рожден, чтоб сказку сделать былью,
В канун неповторимых перемен,
Когда пришла пора спасти Россию
От темноты, от рабства и измен.
Он рос в години грозных испытаний
И сердцем принял ленинский завет:
В семнадцать лет он – зав. избой-читальней,
Вожак коммуны – в девятнадцать лет.
Коммуна бедноте казалась раем,
Где общий труд, где общий стол и быт.
Но общее – не поровну, не даром.
Неравный труд довел бы до беды.
Шумит народ, а нервы, словно струны,
Петров, упорно отводя беду,
Смог убедить шумящую коммуну
Установить оплату по труду.
С тех пор пошла в рост в Молдине коммуна,
Окрестным деревням пример дала,
Надежд на светлый путь не обманула,
Подняв народ на славные дела.
Была борьба за урожай, надои,
Борьба с лентяем, воров и лжецом.
Петров был скромнен и не лез в герои.
Он был героем в мнении людском.
Он бит, но не убит был кулаками.

Район нередко «жару» поддавал.
Терзали год ежовскими руками,
А он за партию и Ленина стоял.
На финской он был в лыжном батальоне,
А на большой войне он – комиссар,
Напористый и с волей непреклонной,
Словами совершать мог чудеса.
В дождь разжигал в сердцах огонь для боя,
А в стужу словом душу согревал.
В бойце воспитывал для Родины героя
И трусость в нем, и слабость убивал.
И помнят боевого замполита
Бойцы того стрелкового полка,
С кем в бой ходил, заботился о быте
И действовал всегда наверняка.
Вот гвардии майор домой вернулся,
Идет в райком, чтоб встать на партучет.
А там, как будто свет перевернулся,
Ему – большая должность и почет.
Петров не соблазнился должностями
И вновь возглавил Молдинский колхоз.
Он – замполит, рачительный хозяин -
Опять к земле, как до войны, прирос.
И вновь борьба за урожай, надои,
За травопольный севооборот,
И, как в войну, здесь, на колхозном поле,
Пришлось на битву поднимать народ.
Вставал колхоз после военной бури:
Поставлена на малой речке ГЭС.
Электроток молотит, сортирует,
Да мало ль с ним пришло в село чудес!
Поднялась дисциплина трудовая,
Весомей становился трудодень.
К колхозу «Молдино», как поросль молодая,
Пристал еще с десятков деревень.
В районной сводке «Молдино» всех выше,
Энергией прославлен трудовой.
Писатель Иванов об этом пишет,
О том же в «Правде» пишет Полевой.

Но в жизни часты разные препоны:
То засуха, то град, то дождь еще,
И, как назло, явились «агрономы»:
Лысенко – одессит, шахтер Хрущев.
Приказы шли в космическом масштабе,
Что сеять, где косить и как пахать,
И сроки выдержать не абы как бы,
Иначе кузькину покажут мать.
К тому же, переменчива погода,
В районе нашем - сотни типов почв.
И надо быть великим верховодом,
Чтоб это пережить и превозмочь.
Петров уже становится легендой:
Он сохранил в колхозе клевера,
Берег пары для нашей почвы бедной
И получал за то выговора.
Но не просил ни у кого прощенья,
А утверждал, повсюду говоря,
Что выверено Вильямса ученье
На плодородных молдинских полях.
Петров доказывал раз Самому на цифрах,
На что способна здешняя земля.
Но на Петрова Сам кричал и фыркал
И выгнал БЕЗ ПОСЛЕДСТВИЙ из Кремля.
С «ПОСЛЕДСТВИЕМ» нельзя.

Петров известен.

Он к совершенству жизни путь искал,
Чтоб труд и быт в колхозах стали песней,
А в людях зарождался идеал.
Он был в строю колхозном знаменосцем,
Колхозным вожакам.

Он – педагог

По принципу: «Кто хочет, тот добьется»,
Или «Кто ищет, тот всегда найдет».
Когда Иуда начал перестройку,
Петров коварный разглядел маневр,
Призвал народ с Иудой биться стойко
И первым стал бойцом за СССР.

Однажды он ушел в свой путь последний,
Прожив на свете девяносто лет,
Оставив на земле дела, легенды
И героический двадцатый век.
Не забывай, народ, его наследство!
Дай срок – и в вихрь общественных ветров
Еще придет к нам молодой советский
Евгений Александрович Петров.

Л.П. Прокопович

Войны не было

В сорок седьмом я родилась.
На свете не было войны.
Она в былое унеслась
По ранам нашей стороны.
Чернели оспины воронок
Среди полей, в селе родном,
Но не носил уж похоронок
Ушедших судеб почтальон.
Еще пожарища чернели,
Вздымая трубы к облакам,
Играли свадьбы, колыбели
Уже качали по дворам.
В медалях солнце отражалось
С груди отцовской – повезло!
У мамы памятью осталось
Седое в волосах крыло.
На всех калек, домой пришедших,
Смотрела с завистью вдова
И письма старые читала,
Пока не стерлися слова.
И с тем письмом, сто раз прочтенным,
Жизнь наполнялася теплом.
Еще ходили вдовы в черном
И часто плакали тайком.
И мать, все пережив несчастья,
Ждала: вот-вот придут сыны.
В сорок седьмом я родилась.
На свете не было войны.

1985 г.

* * *

О, не жалеите поэтесс.
Пуускай они себя жалеют,
Они придумывать умеют
И звезды доставать с небес.
Не чудо ль, что в них странность есть,
Но странность – в щедрости душевной;
Пусть удивит струной волшебной
Из сердца выросшая песнь!
О, не жалеите поэтесс!
Цветком на их порыв ответьте,
Тогда стихи к ним, словно дети,
Придут как чудо из чудес.

1986 г.

Осеннее

Как золой покрылись пламенные чувства,
О любви не говоря.
Слышно, как по лужам, по осенней грусти
Ходят ветры сентября.
На озябших крыльях счастье полетело
Дальше от седой зимы.
Тихо оборвалось, горько отболело
То, что нас вязало в «мы».
Шелестят на ветках листья-золотинки.
Осень навезла обнов.
Может, бабье лето тонкой паутинкой
Нас с тобою свяжет вновь.

1986 г.

* * *

Как сон с кошмарами, ночами
Приходит вдруг, приносит боль
Тот город с желтыми глазами,
Где познакомились с тобой,
Где слухи ты в вину мне ставил
И ради собственных забав
Навек мою любовь ославил,
На горестном кресте распяв.

1987 г.

* * *

Уже коснулась и меня
Рукой безжалостная осень,
Но счастьем плещется, пьяня,
Глаз твоих ласковая просинь.
Тепло уносит, студит кровь
Ветров осенних хитрый сговор,
Но согревает душу вновь
Твое с весенним солнцем слово.
И мне подснежник зацветет,
Коль взглянешь на меня влюбленно.
Пусть снегом косы занесет,
Моя любовь – вечнозелена.
И каждой радуюсь минуте –
Рекою жизнь пускай течет,
Лишь было б в трудный час кому-то
Склониться тихо на плечо.

1987 г.

Аисты

В небе из детства, высоком и синем,
Где получаю я жизни заряд,
Как материнства извечного символ,
Аисты парами тихо парят.
Так гармонично слились воедино
Черный и белый – два цвета судьбы:
Счастье – с улыбкою, горе – с полынью,
Тропки разлук, возвращенья следы...
Мудрые аисты, черные с белым,
Как в моей жизни в единое слить:
Сны многоцветные с будничным делом,
Трудность прощенья с умением любить?
Символ семейного счастья – аист.
Искренне верят детишки в селе,
Что издалека родне всей на радость
Аист принес их на сильном крыле.
В жизни стираются счастья подковы,
Но не стереть доброй сказки красу.
В час мой последний пускай меня снова
Добрые птицы пускай отнесут.

1988 г.

* * *

Тебя, как сон, забуду тяжкий,
А время – врач-глазник – возьмет
И с глаз моих сорвет повязки,
И в прошлое мосты сожжет.
Лечу, свободна и легка,
Нежданно разорвав все сети,
Над грязью вымыслов и сплетен
Из язв людского языка.
Но вместо радости простой
Со мною – горечь прежних дней,
Что все тревоги, непокой
Лишь с жизнью кончатся моей.

2003 г.

* * *

Вступаю в день рождения, как в Храм,
На целый год став старше и мудрее.
На сердце заживает свежий шрам,
И голова – от седины блее.
Вступаю. Первый шаг. За ним – полет.
Дни полетят, как бешеные кони,
На плечи нагрузив вагон забот
Да камень подавая мне в ладони.
Зачем же камень? Знаю точно я,
Что клянчить у судьбы мне не пристало.
Я протянула руки им шутя:
Ведь у меня есть хлеб, и даже сало.
А мне б сочувствия немного и тепла!
И я б воспряла, дни свои листая,
Поверив, что жизнь зря не протекла,
За мною мои дети подрастают.
Я в день рождения вхожу, как в Храм,
И кажется, что вера не слепа,
Что не унижусь от обид и ран,
Что мир спасет краса и доброта.

2003 г.

Осень

Она клином журавлиным
В лето вход нам запирала.
Неопалимую купиной
Роща ярко запылала.
Греет сердце праздник цвета.
Вылетают из огня,
Словно бабочки из лета,
Листья клена на меня.

2003 г.

Петро Ребро

Здравствуй, Берда!

(Отрывок из поэмы)

О, соловьи! Задумчивых лесов
Капелла с колдовскими голосами,
Моя душа всегда ваш слышит зов,
Что утоляет боль сильней бальзама.
Я край родной по трелям соловьев
Найду, считай, с открытыми глазами.
Их песни так волнуют на заре,
Что, кажется, слышны и в феврале.

А люди здесь все для меня прекрасны,
И я свою любовь им отдаю.
Сердечны в песнях, а в труде согласны
И храбры, как их прадеды, в бою.
И каждый день, пронзая взором ясным,
По-свойски душу теребят мою
И говорят, что хоть ты служишь музе,
Не забывай, что рос на кукурузе!

Нет, не забуду вас я, земляки,
Торжественных, на солнце прокаленных.
Я вижу, как поднялись колоски
От ваших рук рабочих к небосклону.
И звезды к ним летят, как мотыльки,
Пятиугольные, как на отцовских шлемах.
Не ваши бы душистые хлеба,
Нам в космос не подняться б никогда.

Иван Федотович Мудрый

Фронтовому побратиму

От грозных битв остался след,
Отмеченный войною.
А мы, товарищ, столько лет
Шли по нему с тобою!
Своею кровью молодой
Полили землю нашу,
Налились горем и бедой
Мы из военной чаши.
Делили в громе канонад
И славу боевую,
И пот, и жизнь, и боль утрат,
И дружбу фронтовую.
И наша ненависть тогда
Врага дотла сжигала.
Но бьют военные года
На старости металлом.
Не гнись, солдат, от старых ран,
Преодолей болезни!
Ты стар, но ты же ветеран,
Испытанный железом!
И жизнь бушует на земле
Для нас с тобой наградой,
Нам был бы мир да свет в окне,
И большего не надо.

1988 г.

Е.Ф. Соломонов

Там лучше

В гробу себя увидел я во сне.
Жена ревет, а с нею – внуки, дети.
А надо бы завидовать им мне:
Теперь я оказался «на том свете».
Здесь все идет, как должно, на подъем,
Всегда все есть - от мяса и до хлеба,
И жизнь становится здесь лучше с каждым днем.
От счастья на седьмом уже я небе...
Проснулся. Взял кусочек жизни я на пробу.
Она все та ж.
Дурак, зачем же встал из гроба?

2003 г.

«Недопетая песня»

Леонид Николаевич Левицкий родился 8 ноября 1917 года в с. Миньковцы на Украине. Еще в юности начал печатать свои стихи в районной газете. Учился в Киевском университете. Печатался в различных газетах и журналах.

30 июня 1941 года добровольцем ушел на фронт. Воевал в 129-й гвардейской стрелковой дивизии, военный корреспондент дивизионной газеты. Гвардии старший лейтенант, награжден двумя медалями «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны 1 степени. Участник освобождения Киева. 25 декабря 1943 года был смертельно ранен около села Заболочье Радомишльского района Житомирской области.

Близкие ему люди собрали все, что было им написано, и в 1985 году в Киеве был издан сборник «Недопетая песня», в котором собраны стихи, дневники, фронтовая публицистика, воспоминания о поэте. Посмертно принят в Союз писателей.

Ручеек

Когда-то в детстве, как у всех, счастливым,
Я песенный ручей нашел среди трав.
Беги, звени капельным переливом,
Пой, ручеек, коли пришла пора.

Пусть знаменитый соловей-повеса
Споткнется над заученной строкой;
Пусть девушка, поющая у леса,
Заслушается дивною водой!
Подаришь радость иль развеешь горе,
Тебе хвала за добрые дела.
Да будет правда в каждом твоём слове,
А правда не иссякнет никогда.

Пой, ручеек, и пробивайся к морю.
А нет – к реке пробьется пусть вода!

1941 г.

* * *

За окном – кварталов дали,
За окном - звонки трамвая...
За столом в читальном зале
Девушка сидит, мечтая.
Я слежу за ней украдкой:
Пали волосы на плечи;
Вот склонилась над тетрадкой,
А в глазищах – тихий вечер.
Вечер тихий и печальный.
Что-то кажется знакомым,
Будто где-то мы встречались...
На вокзале? В поле? Дома?
Передумалось немало...
Вдруг очнулся: я в «прицеле»! –
Засмотрелся – и поймала.
До чего ж еще я зелен!

1941 г.

* * *

Паутина дрожит упруго.
Я лежу, не смыкая очей.
Пахнет сеном свежим и лугом,
И туманами летних ночей.
Вот гармонь на селе затихает,
С ней и песня. И мир затих.
Только ночь про себя напевает
Незнакомый людям мотив.
Передумаю все свои думы –
Что прошло, что еще впереди.
Через щель просочился свет лунный
И прилег на моей груди.
Показалось – подруга припала
Сердцем к сердцу в волшебном огне.
Только ночь про себя напевала,
И мечты разгорались во мне...

1940 г.

* * *

Зачем мне дом, коль день погожий?
Беру палитру и иду.
Весь сад давно уже исхожен,
И что мне выбрать – не найду.

Земли нетронутые чары
Меня пьянят. Вписал я вмиг
Собранье облаков курчавых,
(Не могут лирики без них!)

Нарисовал я лес далекий,
Поля, пустынные давно.
И только журавлиный клекот
Не мог поймать на полотно.

1941 г.

Из фронтовых стихов

У нас один, мой брат, характер

На наши мирные кварталы,
На нивы хлебные, луга
От бомбовоза тень упала,
Войною страшною легла.

С крестами ворон налетает,
Хоть нет ему пути назад.
Не за горами бой пылает...
Пошел с винтовкою мой брат.

Пошел и я, зря слов не трата,
И в сердце гнев вскипал до дна.
У нас, мой брат, один характер,
Кровь материнская одна.

Фашистским саранчовым стаям
В священном корчиться огне,
Чтоб век родиться урожаям
На нашей, брат мой, стороне.

Чтобы родными сыновьями
Перед людьми был горд отец!
Пусть здесь, под нашими ногами,
Коварный враг найдет конец!

Мы кровью юною заплатим,
Чтоб Родину спасти свою!
У нас, мой брат, один характер,
И он не подведет в бою!

(Первые дни войны, 1941 г., Киев).

Как не любить?

Как не любить мне синь Днепра,
Сады, возвращенные с любовью,
Леса, где каждая тропа,
Как наша степь, полита кровью.

Как не любить мне в вышине
Тот гром, который зло карает,
Иль парашютов первый снег
Над нашим партизанским краем!
Июль 1942 г.

* * *

На пути – гробы фашистских танков.
Здесь война позавчера прошла.
Рядом с почерневшим полустанком
Я родного не узнал села.

Замело метелью пепелище.
Горе прячут снежные поля.
Ветер над руинами лишь свищет,
Как над мертвым стонут тополя.

Ни одной души в холодном крае.
В головешках вражий труп дымит,
Видно, удирать не успевали –
Настигал их здесь расплаты миг.

Кровь за кровь, за все людское горе,
Сердца гнев и мщение в боях –
Вижу я тебя сейчас такую,
Украина мстящая моя!

1941-43 гг.

Атака

Ты врезался во вражий ряд:
- Ну, кто еще на Киев?
И мщением глаза горят,
Как кровью налитые.
Я знаю – и мои в огне,
Ведь я – одно с тобою.
Неистов будь, атаки гнев,
Будь вдохновеньем боя!
Неистов будь! И бой верши,
Победный бой и быстрый!
Горит на солнце острый штык,
Когда колю фашиста.
Кто сердце хмелем напоил?
С кем поделиться словом,
Что вот идут, гремят бои,
Что мы в атаке снова;
И что враги уже навек
В снегу заоченели,
Что вражья кровь на рукаве
И на моей шинели.

*1943 г. с. Маковице,
на Киевщине.*

The first part of the report discusses the
 importance of the study and the objectives
 of the research. It also describes the
 methodology used in the study and the
 results of the data analysis. The second
 part of the report discusses the
 implications of the findings and the
 conclusions drawn from the study.

ПУБЛИЦИСТИКА

Снетковая путина

Это было очень давно. Тогда еще не было огромного железобетонного моста через протоку между озерами, и рыжая дамба еще не пересекала озеро от Лубенькинского бора до Дедова носа. В ту пору можно было долго стоять на старом Троицком мосту и любоваться строгой синевой озера Удомли, дивным отражением деревни Ряд в серебристой каемке воды под самым дальним берегом, недалекими домиками рыбацкой деревушки, имевшей строгое название – Стан Рыбацкий, с единственной улочкой, сбегавшей к заливу, откуда начинала свой бег река Съежа. В этих домиках жили рыбаки.

Обычно, когда произносится слово «рыбак», всегда представляется одинокая нахохлившаяся фигурка чудака, терпеливо ожидающего на крючок своей немудреной уды флегматичную плотичку или сердитого окунька.

Нет, на Стану жили рыбаки-профессионалы, для которых рыбная ловля была единственным занятием, которому посвящалась жизнь. Они все работали на Удомельском рыбзаводе, как правило, семьями, в звеньях и бригадах, а орудиями лова у них были государственные невода и сети различных конструкций и размеров. У них был свой особый быт, связанный с постоянной работой на воде. От тяжелой работы они были немного неуклюжими, но сильными людьми, и как все сильные – добрыми.

Рыбзавод тогда вылавливал за год 200-250 тонн рыбы. Большая часть ее отправлялась куда-то по железной дороге, остальное продавалось в Удомле на Базарной площади.

Из всех видов рыб особую прелесть составлял удомельский снеток. И не только тем, что был чистым, без косточек, удивительно вкусным, но и своим особым поведением, заставлявшим рыбзавод собирать все силы для проведения снетковой путины. Он ловился во время нереста всего несколько дней в году, и как раз в предмайские дни, когда озеро почти очищалось ото льда, и поэтому трудовое напряжение связывалось с весенним праздничным настроением.

За поведением снетка следил технорук Щипонников Николай Павлович, болезненный мужчина с ввалившимися грустными глазами, влюбленный в озера и свое дело. Жил он тоже на Рыбацком Стану. Помню, как бывший тогда директором рыбзавода Василий Сергеевич Голубев, причалив к становскому берегу на легкой разъездной весельной лодке (тогда еще не было моторок, легковых машин и личных шоферов, директора сами ходили ножками или гребли веслами), глядя, как обычно, исподлобья и закуривая, спрашивал выходящего навстречу Николая Павловича:

- Ну, как?

- Вчера вечером было тихо, а сегодня на зорьке смотрю – рябь заметна... Вода шевелится...

- Ну, что ж, сегодня вечером и начнем. Готовь бригаду Сафронова, а я к Нечаеву заеду.

Один знал, что спрашивал, другой знал, что отвечать. Долгая совместная работа научила их понимать друг друга с полуслова.

Так начиналась путина. Надо отметить, что снеток шел косяком, и только ночью, поднимаясь из глубокой северной части озера в мелководье Троицкого плеса через подводную возвышенность у Дедова носа. Тут-то его и поджидали!

К ночи на носу собиралось несколько бригад с летними неводами и одиночками, привозили под рыбу щеповые корзины-люльки. Проходил последний инструктаж бригадиров, докуривали последние сигарки и ждали, когда померкнет предмайское небо, скроется во мраке рядской берег, а остров Двинов будет казаться еще выше и спрячет на фоне своей бездонной черноты как атакę подготовившихся рыбаков.

И вот кто-то невидимый включает в движение людей, лодки. Осторожно, едва дыша, работают гребцы, редко стукнет уключина, и сразу становится тихо-тихо, только гулко стучит сердце – единственное, что может нарушить напряженную тишину. Только что-то дышит затаенно: не то вода под лодками, не то снеток, идущий во тьме огромной массой. Ни слова, ни огонька. Медленно движутся минуты, пока причалят к берегу забросившие невод лодки. Привычно тянут рыбаки невод, сильно откинувшись назад и широко отбрасывая освободившуюся руку, перехватывают дальше и дальше натянутую тетиву просмоленного каната.

Наконец, подходит к берегу набитая снетком корма первого невода, а вторая бригада начинает следующий замет на это же место. И так всю ночь – тоню за тоней в полном молчании и в

кромешной тьме — как хорошо налаженная машина, трудятся рыболовецкие бригады. А невдалеке расставляются люльки с рыбой, светящейся во мраке черным серебром. А когда на востоке занималась заря, остров Двинов терял свою таинственную суровость, и на рядском берегу можно было рассмотреть крыши домов, озеро начинало светиться доброй улыбкой хорошо выпавшегося труженика. Только из-за Черного острова, с северной стороны, выглядывало мрачное поле коварного льда, загнанного туда южным ветром. К этому времени снеток прекращал движение.

Невода развешивались по берегу на просушку, корзины со снетком грузили в лодки. И только тогда рыбаки вытирали под фартуками мокрые, набрякшие усталостью руки и скручивали первые утренние сигарки.

Меня, выросшего среди этих людей, всегда поражала удивительная их невозмутимость, как бы трудно ни было. В тяжелейшей, внешне казавшейся беспредельно однообразной работе они не только добывали хлеб свой насущный, но и получали душевное удовлетворение. Когда тянули невод, они были сосредоточенно-молчаливы. Каждый знал свои обязанности, здесь просто не существовало указаний или понуканий. Бригадир обычно только «молвил золотое слово», где будет очередная тоня. Но стоило сделать перекур, начинались рыбацкие рассказы и байки, воспоминания и розыгрыши. Казалось, ну что хорошего можно вспомнить, если целыми днями и ночами, круглый год, всю жизнь в холоде и воде делаешь одно и то же: тянешь, гребешь и снова тянешь до ломоты и дрожи во всем теле. А они вспоминают, радуются, сочувствуют или осуждают, не скупясь, не заискивая в своей душевной открытости. Поражала и их обязательность. Ничто не могло отменить или прервать путину. Снеток часто шел 1 и 2 мая, и праздничные торжества отменялись. И если бы кто-то сказал, что больше ловить снетка не требуется, хотя его ход не закончился, он нанес бы рыбакам кровную обиду, разрушив вековой ход и смысл их жизни. К счастью, таких случаев не было.

После ночного лова целая флотилия лодок везла улов на склад рыбзавода. Потом возвращались на Стан. Рыбаки, вздремнув несколько часов, приступали к ремонту неводов, не спеша украшая ячейки неводов белыми нитками, сматываемыми с хитроумных приспособлений — клешек. А потом снова повторялась ночная напряженная безмолвная работа.

Время движется и подминает под свои колеса годы, события, людские судьбы. Исчез Рыбацкий Стан. Давно нет на

свете Николая Павловича Щипонникова. Как-то незаметно ушел из жизни Яков Васильевич Сафронов – уже тогда был в возрасте, широкогрудый, с обвислыми рыжими усами. Давно нет и Нечаева Ивана Васильевича, смышленного в тонкостях рыбного промысла, с каким-то рыбацко-интеллигентным складом ума и даже с особой, изящной походкой. Да, нет уже героев тех жарких сетковых путин. Последним я иногда встречал Василия Сергеевича Голубева, мы здоровались, вспоминали прожитое. Он так же смотрел исподлобья, улыбался и, кажется, хотел спросить меня по привычке:

- Ну, как?

А я, зная, что он давно не был на Удомельском озере, смущался, боясь рассказывать ему, что рыжая дамба врезалась в то место, где были сетковые тони, что земснаряд смыл Дедов нос, а сеток вывелся с пуском атомной станции. Эта рыба не любит теплой воды. Боялся признаться, что уже не будет сетковой путины, не соберется пропахший смолой и рыбой бывалый народ, как на праздник, в предмайские ночи на тяжелый и одухотворенный труд.

Ушел из жизни и Василий Сергеевич. И выяснилось, что я в единственном числе остался свидетелем тех далеких удивительных событий и трудовой биографии Удомельского района и спешу об этом рассказать читателям...

*«Тверская жизнь» (Живая вода)
17 марта 2001 года.*

«Столыпинская реформа. Чему она может научить?»

В «Тверской жизни» 6 июля 1993 г. была помещена статья С.Смирнова «Столыпинская реформа. Чему она может научить?». В ней обстоятельно изложена предыстория реформы, взгляды Столыпина на пути развития России, «техническая» сторона реформы. «Не пора ли и нам прочесть законы того времени, - предлагал автор, - и подумать над опытом аграрной реформы П.А.Столыпина?»

**Тему продолжает Н.А.Архангельский,
инженер из Удомли:**

«В последние годы столыпинская реформа стала все больше занимать умы россиян. О Столыпине пишется много, больше отвлеченно, эмоционально, без учета опыта этих реформ, без практических выводов из него, без анализа конечного результата. И в названной статье автор, освещая опыт столыпинского пути развития сельского хозяйства, так и не ответил на им самим же поставленный вопрос: чему столыпинская реформа может научить?»

Имея некоторые материалы по обсуждаемой теме, я хотел бы познакомить читателей с опытом столыпинской реформы на территории Вышневолоцкого уезда и, в частности, на территории Удомельского района как бывшей части этого уезда.

Хутора здесь начали появляться до издания закона о реформе от 9 ноября 1906 года, но их были единицы. Они робко, ощупью искали свое место под солнцем, обложенные со всех сторон жестким общинным правом, помещичьим землевладением и отсутствием юридических прав на существование.

С опубликованием Указа «О дополнениях некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования» крестьяне потянулись на хутора. Пошли наиболее здоровые семьи с наименьшим количеством иждивенцев. В 1911 году в Удомле было 42 хуторских хозяйства. 32 вышли из общин со своими наделами и вынуждены были прикупить еще 100 десятин, потому что надельной земли далеко не хватало для

существовавшая. 10 хуторян продали свои наделы и купили казенные земли через Крестьянский банк на льготных условиях.

Каждый хозяин вел свое хозяйство по-своему: одному было мало купленной земли, другой с тем, что имел, не мог справиться. На пятый год проведения реформы хуторские хозяйства при всем усердном понукании «сверху» и со стороны местных властей в районе составили только 0,49 процента от количества общинных хозяйств. Реформа шла трудно и медленно, и уровень хуторских хозяйств еще мало чем отличался от общинного.

Время шло. Кто-то не выдержал и, бросив хутор, подался в город, а кто-то скупил землю ушедшего и округлил свой хуторок до размеров небольшого имения, где с помощью батраков вел к процветанию свое хозяйство. Кто-то продолжал тянуть ляжку «ореформленного» хуторянина, единственной заботой которого оставалась борьба за выживание.

Но как бы там ни было, хутора оказались жизнестойкой формой крестьянского хозяйства. Во-первых, значительно улучшилось использование земли, чему в деревне мешало общинное владение с ее чересполосицей, многократными уравнительными переделами; во-вторых, свобода в выборе действий позволяла хуторянину отказаться от традиционного трехполья и переходить на внедрение кормовых и технических культур, развивать более совершенные севообороты; в-третьих, появление сеяных трав, корнеплодов, силоса подняло продуктивность стада, увеличилось количество навоза, что повлияло на повышение плодородия почв. И, наконец, увеличение объема работ в полеводстве потребовало в меру возможностей приобретать усовершенствованные сельхозмашины и орудия. Оснащенность хуторских хозяйств сельхозмашинами и орудиями заводского изготовления была в 3-7 раз выше общинных. Коров на хуторах становилось также значительно больше, чем в деревнях. Здесь сеялось меньше озимых, но в несколько раз больше трав. Несмотря на прокатившееся военное лихолетье, заметен рост и качественных показателей.

В одном из обзоров хозяйственной жизни Тверской губернии за 1920 год сказано: «Хуторские хозяйства имеют лучшие показатели и заставляют считаться с ними как с крупной культурной силой». Следовательно, хуторская система, порожденная столыпинской реформой и основанная на личной заинтересованности в результатах труда,

освобожденная от рамок общинного землепользования, действительно более эффективна в экономическом отношении. Хутора с большей инициативой использовали передовые технологии и организации производства, постоянно заботясь о своей механизации, ускоряя развитие. В связи с этим просматривается перспектива увеличения земельного клина у отдельных преуспевающих хуторян и появления все большего количества наемных рабочих, батраков. Если в общинах только 4 процента хозяйств держали наемных рабочих, то на хуторах это делали 10 процентов хозяйств.

За 16 лет в Удомельском районе появился 61 хутор, в уезде — 1424, что составляет соответственно 0,71 и 3,58 процента от общинных хозяйств.

Сколько же нужно времени, чтобы количество хуторов могло достичь такой величины, чтобы они стали существенно влиять на экономику державы? Процесс перехода на хутора требовал времени, потому что для него необходимы материальные средства, которые каждый должен собирать в одиночку, и психологическая подготовка. И на это уходили годы. А когда, казалось бы, многие в душе приготовились к переходу, наступили новые времена.

Чему же учит опыт появления хуторов? Прежде всего, нельзя спешить с реформаторством, нельзя подгонять и насиловать процесс, иначе получится не менее жесткая коллективизация наоборот.

Нельзя нынешнего фермера оставлять один на один с землей. Если раньше крестьянин шел на хутор со своей лошадью и коровой, то нынешний кандидат в фермеры, кроме желания и собственных рук, ничего не имеет. Ему нужны деньги, техника, агрономическая и зоотехническая подсказка, иначе он, израсходовав преждевременно энтузиазм на малополезное кидание вилами и лопатой, бросит все.

Опыт столыпинских хуторян подкрепляется опытом современных фермеров. Сейчас в Удомельском районе зарегистрировано 133 фермерских хозяйства. Им выделено 2476 гектаров сельхозугодий, из них 62,5 процента пашни. Они обеспечены землей значительно лучше прежних хуторян. Казалось бы, надо радоваться, что земля наконец-то обретает хозяина. Но анализ использования земли в 89 крестьянских хозяйствах показывает, что из 1051 гектара пашни используется только 650, или 62 процента. На одно фермерское хозяйство приходится 1,4 коровы. Больше половины хозяйств не имеют техники, особенно тракторов,

отсутствуют хорошие подъездные пути к участкам, нет электроснабжения, не везде есть водоемы. Проблемы приобретения сельхозтехники, сбыта продукции, приобретения семян, удобрений, гербицидов, топлива, наконец, получения кредитов под «божеские» проценты – все это не содействует развитию фермерства. Вот и в районе уже 15 фермеров вообще не появляются на выделенных им земельных участках, а 4 фермера подали заявления о ликвидации своих хозяйств.

Дороговизна, повальный дефицит и непонятное отношение властей к сельскому хозяйству, в том числе и к фермерскому движению, подрывают благие намерения на корню. Так было при царе-батюшке, так происходит и при новой власти-матушке. Результат один: дело идет медленно, болезненно, с надрывом, без активной государственной поддержки. И в то же время – при бурной обличительно-разрушительной деятельности средств массовой информации в поиске виновных в срыве скоропалительных необоснованных и не подкрепленных материально программ.

Куда идет Россия при таком управлении, сказать трудно. Но то, что ее сельское хозяйство будет мучительно долго биться, как рыба об лед, на всех ветрах политических страстей, некомпетентности и безответственности – это уж точно. И страдать от этого обречены не только сельские жители. Этот вывод мрачен, но объективен. Я хотел еще раз подчеркнуть: реформа – не революция. Здесь нужны ум, такт и политическая дальновидность».

«Тверская жизнь»,
10 августа 1993 год.

Маленькие удомельские открытия

Удомельская территория, расположенная между реками Мстой и Мологой, в своей тысячелетней истории как-то не запаслась летописями, берестяными грамотами и долгое время выглядела какой-то убогой, забытой, обойденной большими дорогами и событиями. Местных краеведов такое положение родного края никак не устраивало. Родная сторона в свете прогресса стремительного XX века казалась сиротинкой «без свидетельства на место жительства». Нас заела гордыня, и мы, закусив удила, рванулись на поиски родной истории.

Прошло несколько десятилетий, в Удомле был создан музей, появились в районной газете краеведческие публикации, и выяснилось, что наша местная история не так уж бедна, как показалось сначала. У нас обнаружили собственный зуб мамонта, древние захоронения в курганах и сопках. Жили на нашей земле новгородские посадники и царские генералы и адмиралы. И у нас было триумфальное шествие советской власти, и были свои герои войны и труда, и даже свой космонавт. Все у нас было. Но оказалось, что из-за мелкомасштабности некоторых событий, происшедших в Удомельском крае, они были просто не замечены или не совсем правильно истолкованы. И мы, краеведы, кроме прочтения уже открытых страниц истории, пользуясь знанием местности, ее топонимики, характера жизни народа, стали обнаруживать незамеченное или не так понятое.

Это были маленькие открытия, возможно, незначительные, но важные для нашей местной истории и, что уж кривить душой, для собственного самоутверждения. В этой статье я расскажу о нескольких таких открытиях.

Откуда пошла удомельская земля

Так хочется следовать знаменитой фразе из «Повести временных лет», встать рядом с древним летописцем, что вот не удержался, срисовал слова, которые притягивают и смущают своей близостью и своим величием. А причиной тому были строки, касающиеся удомельской земли, но как-то незамеченные при масштабных работах больших ученых. Нам остается за ними подбирать крошки. В «Повести временных лет» есть знаменательные для нашей малой родины строки: «В лето 6455 (947г.) иде Ольга к Новугороду и уставе по Мъсте погосты и дани». Это первое письменное упоминание удомельской земли, потому что река Мста протекает по Удомельскому району, и два сельских округа – Мстинский и Озеро-Горский - выходят на ее берега. К тому времени Новгород уже платил дань киевским князьям. Дальше дело было за вовлечением в регулярное подданство затерянной в непроходимых лесах и болотах провинции. Естественно, это вовлечение начиналось с наиболее доступных для освоения территорий, прилегающих к рекам. Первый погост, появившийся на удомельской земле, - Млевский на реке Мсте, и логика летописи подсказывает, что именно Млево было «ставлено» великой княгиней киевской Ольгой в 947 году. А это значит, что первое летописное упоминание удомельской земли относится к одному из ранних в истории России. Нам ли, удомлянам, не гордиться таким открытием!

По этому поводу в 1997 году в Удомле прошла научно-практическая конференция «1050-летие первого письменного упоминания удомельской земли в «Повести временных лет» (947-1997 гг.)». На ней выступили с докладами ст.научный сотрудник отдела славяно-русской археологии РАН, автор монографии «Удомельское поозерье в эпоху железа и раннего средневековья» И.В.Исланова, профессор ТГУ, председатель общества краеведов Тверской области Ю.М.Смирнов, бывший заместитель начальника архивного отдела администрации Тверской области Л.М.Сорина, автор этой статьи и ряд других исследователей. Доклады были опубликованы в юбилейном сборнике. Вот так-то!

Легенда о Марфе Посаднице

В том же Млеве, на кладбище Спасо-Георгиевской церкви, в 1815 году была обнаружена тяжелая, грубо обработанная каменная плита с четко выбитыми короткими строчками: «Лета 7000 (1492 г.) положена представившаяся раба Божия Марфа напа...». Надпись как будто оборвана, и загадочное «напа» кажется неоконченным словом. Легенду, связанную с этой плитой, еще в XIX веке пересказал писатель С.В.Максимов.

Кто такая Марфа? Людская молва указывает на Марфу Посадницу. В середине XV века одним из руководителей Великого Новгорода был посадник Исак Андреевич Борецкий. Его жена Марфа, имевшая полное именование Марфа Исакова жена Борецкого, была властной, энергичной женщиной, за что в народе ее называли, поставив рядом с мужем по должности, - Марфа Посадница. Когда Исак Андреевич умер, а ее старшему сыну Дмитрию, попавшему в плен к московскому войску в 1471 году, отрубили голову, Марфа Борецкая стала одной из руководителей Новгорода в борьбе за независимость и его символом. Она делала многое, чтобы поднять новгородцев против Москвы, но не успела. Новгород пал, а Марфу, закованную в цепи, сослали в Нижний Новгород, где постригли в монахини. Это случилось в 1478 году. Далее легенда такова: за 14 лет (с 1478-го до 1492-го) Марфа могла легко обдумать и устроить побег. Она пробиралась в родной город по той дальней дороге, которая вывела ее на Волгу и Тверцу и отсюда легко доставила на Мсту. Дорогой, на пути опасном и трудном, когда надо было скитаться и прятаться, постигла ее болезнь, а за нею приключилась смерть, и ее похоронили во Млеве, уверенно утверждает местное народное предание. Слава воительницы за новгородские вольности, вероятнее всего, долго оставалась в народной памяти, обостряясь в годы смуты и всяческих притеснений со стороны Москвы и вновь воскрешая ее образ как мученицы за святое дело.

В этой легенде настораживает поразительная выносливость Марфы. Ее муж Исаак Борецкий родился в конце XIVв. и в 1417 г. упоминается в летописи как руководитель военного похода. Примерно такого же возраста была и Марфа. Можно сориентироваться и примерно определить возраст Марфы в момент ссылки: 65-75 лет. Через 14 лет она умирает, пройдя от

Нижнего Новгорода до Млева, если считать по прямой, 600 километров. И это в возрасте 79-89 лет! Невероятно!

Недавно изучая фрагменты Писцовой книги Бежецкой пятины, относящиеся к Млевскому погосту, к собственному огорчению удостоверился в том, что в Млеве не было владений Марфы Посадницы, где бы ее знали и похоронили не как безвестную старушку, а как бывшую владелицу здешних земель. Марфа Посадница здесь была чужая. Ее ближайшие владения находились в Липнах Удомельского же района в 35 км на северо-восток от Млева.

Но была в Млеве, в Егорьевском погосте на Виру, волостка Марфинская Васильевой жены Розстригина. Там же названы некоторые знакомые топонимы: озеро Тишадра, река Пуйга, деревня Хвоцна, Старое... В Марфинскую волостку входили «дворы на Ряду на погосте». Названная Марфа тоже была из боярского рода, о чем говорит ее полное имя. Она жила в те же годы, что и Марфа Исакова, у нее тоже были изъяты земли и переданы новым владельцам. Марфа Розстригина похоронена на кладбище во Млеве в своем приходе с каменным надгробием, с подземным склепом, не таясь, принародно. Но прошли века. Марфа Розстригина забылась, а ее место в народной памяти заняла Марфа Посадница. Была Марфа, да не та. Вот такая история с Марфами.

Как бы там ни было, до сих пор на могиле Марфы находим полевые цветы и зерна – знаки почитания умершей. Жаль только, что своими руками разрушили такую красивую легенду!

Где родился А.А.Аракчеев?

Читателям, конечно, известна эта личность, изображенная А.С.Пушкиным в убийственной эпиграмме: «Всея России притеснитель, губернаторов мучитель, и Совета он учитель, а царю он — друг и брат...». Что и говорить, характеристика Алексею Андреевичу Аракчееву дана сногшибательная. Но когда знакомишься с его деяниями на пользу армии, государству, России, хочется найти что-то положительное в этом человеке, потому что тот, из эпиграммы, не мог столько сделать полезного, необходимого и во многом предугаданного на пользу Отечества, как тот, о котором я поведу речь.

Предвзятость характеристики Аракчеева современниками ярко видна хотя бы на таком факте: один из историографов писал об Аракчееве, что он внешне похож на обезьяну. А посмотрите на портрет Алексея Андреевича начала XIX в., оказывается, что это был симпатичный молодой человек в генеральском мундире и загадочно улыбающийся. И тогда возникает желание разобраться в личности этого человека, в его биографии.

Алексей Андреевич родился 23 сентября 1769 г. Изучая историю Удомельского района, я обнаружил, что в нынешнем местечке Лубенькино еще в 1621 г. проживал Фома Аракчеев, а в 1639 г. там уже упоминается целое гнездо родных и двоюродных братьев Аракчеевых. В исповедальных книгах 1783 г. Никольско-Удомельской церкви, что на Стану, обнаружены записи: «усадище Щеберино поручика Артема Панфилова сына Аракчеева», «усадище Сигово прапорщика Михаила Иванова сына Аракчеева», «деревни Юрьева Горка, Рудеево, Стенецкое каптенармуса Ивана Данилова сына Аракчеева» и так далее по многим деревням в пределах будущей Удомельско-Рядской волости. Биографы Алексея Андреевича В.А.Федоров и Шубинский (последний был дальним родственником Алексея Аракчеева) утверждают, что отцу будущего графа — Андрею Андреевичу — по разделу с родственниками родительского наследия досталось сельцо Гарусово, как раз находящееся среди вышеназванных аракчеевских селений. Здесь и родился наш герой. В Гарусове до сих пор стоит «дом Аракчеевых», последним владельцем которого был Михаил Иванович Аракчеев с дочерью Надеждой. Сельцо Гарусово стоит на северном берегу озера Удомля. Летом 1782 г. к соседу помещику Корсакову, проживавшему в имении в 6 км от Гарусова, приехали на каникулы два его сына, учившиеся в Петербургском артиллерийском и инженерном шляхетском корпусе. Они своим видом, блестящей формой и

солидностью соблазнили Алексея учиться в том же корпусе. Так мы узнали, что в Удомельской истории есть еще одна замечательная фигура государственного масштаба, наш земляк из далеких XVIII-XIX веков.

Но вот находится в архивах публикация в 1921г. бежецкого краеведа И.Н.Постникова, в которой сообщаются, со ссылкой на церковные записи, совершенно новые сведения о месте рождения графа и его родителей. У Аракчевых, оказывается, в Бежецком уезде было два имения: при селе Курганы и при д.Зауженье. Оба имения перешли отцу графа от его тещи Н.Я.Ветлицкой. И как утверждает И.Н.Постников, родиной графа было село Курганы. Там же похоронены и его родители.

Удомлянам пришлось бы поверить Постникову, если бы не находка ленинградского художника Константина Кирилловича Иванова, долгое время связанного с удомельским краем. В 1972 году для работы в летнее время учащихся Ленинградской художественной школы была взята в аренду старая усадьба «Гарусово». Во время ремонта под слоем обоев были обнаружены старые бумаги, прочитать которые без специальной подготовки было почти невозможно. К.К.Иванов собрал их, чувствуя их несомненную ценность, и сохранил до настоящего времени. В 1999 году, с разрешения художника, наш краевед Д.Л.Подушков познакомился (очень поверхностно) с содержанием части бумаг и обнаружил среди них письма Алексея Аракчеева родителям из Петербурга. После этого открытия мы уверенно утверждаем, что граф жил в удомельском Гарусове. Здесь он рос в родительском доме, отсюда с родительским благословением и пожеланиями, а может быть, и рекомендацией от удомельского дворянина графа М.В.Храповицкого (1758-1819) поехал поступать в кадетский корпус.

В наших архивах не удалось найти исповедальных книг Курганской церкви, на которые ссылался Постников. Но представим, что там была запись о рождении Алексея Аракчеева. Это могло произойти в случае, если бы молодая жена Андрея Андреевича решила рожать первенца под присмотром родной матушки в Курганах, а затем с младенцем вернулась в Гарусово. В таком случае Курганы подобны родильному дому, а ведь не принято в паспорт записывать адрес родильного дома. Записывают место проживания родителей младенца, в нашем случае – Гарусово. Таким образом, при любых прочтениях биографии Алексея Андреевича факт рождения его на удомельской земле установлен, и мы можем самого «притеснителя России» уверенно вписать в удомельские святцы.

Где жил и работал А.Г.Венецианов?

В нашем сознании как-то закрепилась связь между художником А.Г.Венециановым и селцом Сафонково; кажется, что только Сафонково вызывает ассоциации с творчеством Алексея Гавриловича на удомельской земле. Однако в этих ассоциациях есть небольшая погрешность, вызванная не совсем точным изложением биографии художника.

По приезду в деревню Венециановы поселились в селце Трониха, что находится в 1 км северо-западнее от Дубровского погоста, где до этого проживала помещица А.В.Шульгина, продавшая им свое имение. В Тронихе жили также помещики М.Д.Морковникова, П.Г.Мачихин и Е.Д.Притупова. Для осуществления своей мечты об укромном сельском уголке Алексей Гаврилович сразу же стал строить новую усадьбу на пустоши Сафонково, что была в 3 км на юго-восток от Дубровского. Строительство шло долго из-за ограничения в средствах и рабочей силе. О том, как шло строительство, можно судить по переписке, в которой Сафонково вообще долго не упоминалось. 22 июня 1823 года письмо №4 (нумерация писем по книге Г.Леонтьева «Алексей Гаврилович Венецианов», Ленинград, 1988) отправлено из селца Трониха, а в письме №8 от 27 марта 1824 г. художник называет себя «Алексей Троницкий», в письме №10 от 24 ноября 1824 года, после страшного наводнения, описанного А.С.Пушкиным в «Медном всаднике», шлет привет адресату как «сердечно тебя почитающий обитатель топившейся столицы Троницкий обладатель и сухих берегов Сафонкова». 26 мая 1825 года Венецианов пишет Н.П.Милюкову: «Ежели обстоятельства позволят, то в августе побеседуем в Тронихе. Алексей Сафонково-Троницкий». Даже на рубеже 1820-1830 годов письма от художника идут из Тронихи. В исповедальных и метрических тетрадях прихода население в Сафонково стало записываться только с 1832 года. Таким образом, Алексей Гаврилович прожил в Тронихе 15 лет, с 1817 по 1832 годы – половину своего удомельского периода. И Сафонково в это время упоминалось только как строительный объект. Троницкий период для Венецианова был наиболее плодотворным. В это время написаны известные полотна, создана своя метода преподавания живописи, устоялись принципы художественного творчества. Но в 1831 году умирает жена. В год переезда в Сафонково Алексею Гавриловичу исполняется 52 года –

наступала пора задуматься о душе. Жизненный экватор перейден. И хотя в Сафонкове была устроена прекрасная мастерская, художник все реже брался за кисти и краски. Он больше занимался учениками, писал иконы. В Сафонкове уже был не тот молодой энергичный новатор, потрясший академические каноны и создавший реалистическое искусство, но стареющий уставший человек, не загадывающий вдаль. В Тронихе он горел, в Сафонкове он угасал.

Внесем же маленькую, но существенную по этому поводу поправку в биографию А.Г.Венецианова, а в Тронихе постараемся своими силами поставить памятный знак.

Где Левитан отыскал «Над вечным покоем»?

Всем известна великая картина И.И.Левитана «Над вечным покоем», ставшая истинным шедевром реалистической живописи с таким необъятным философским содержанием, какую трудно найти в мировой картинной галерее всех времен и народов. У зрителя всегда возникает естественный вопрос: существует ли в природе такой пейзаж и где он находится? Вообще-то картину пишет художник, творец, не просто создающий портрет чего-то, но и вкладывающий в него свое видение, свое вдохновение, и стоит ли искать точно такой же пейзаж в природе? Но тогда ставится вопрос по-иному: что послужило прообразом для этой картины? Литературные источники, в том числе современники Левитана, и экскурсоводы убеждают нас, что такой пейзаж существует в действительности – это озеро Удомля, находящееся в 4 км севернее современного города энергетиков.

В молодости я несколько раз обошел это озеро, объездив его на лодке. Да, что-то похожее было, но, скорее, в настроении, в духе, но не в очертаниях.

Пару лет назад удомельский краевед, хорошо знакомый с окрестностями, Д.Л.Подушков, увидев левитановские эскизы с названием «Перед грозой», сразу узнал на них Островенское озеро, расположенное в 6 км на северо-запад от озера Удомля. Это был вид, который открылся Исааку Ильичу со второго этажа дома помещиков Ушаковых, где его поселили гостеприимные хозяева в 1893 году. Он увидел озеро, на нем – небольшие острова. Дом стоял на холме, ниже располагалась низкая деревянная церковь. Главное на эскизах было небо, небо при закате солнца. На западе поднялись тучи, они закрыли солнце, создав странное освещение. Еще немного фантазии – и перед зрителями знаменитая картина. Эскизов было два: первый – первое механическое воспроизведение пейзажа, а второй – ближе к окончательному варианту, хотя рисунок мало отличается от первого. Кстати, окончательных вариантов существует тоже несколько: в основном, менялись очертания озера, положение острова и мелкие детали. Неизменными на эскизах и картинах оставались облака. Они – главные герои в этом потрясающем пейзаже. Высокие, грозные, холодные и загадочные. В них все: тоска и одиночество, недостижимые и близкие, пустынные, но наполненные странным светом, исходящим из чего-то божественного, громоподобного.

Это был не портрет озера, а вдохновенная поэма о страдающей мятущейся душе, жаждущей и неутоленной. И знакомый пейзаж превратился в необычную неповторимую картину, как неповторимо над вечным покоем одухотворенное северное небо.

Я привел пять случаев, когда открытия, пусть маленькие, местного значения сделали не кабинетные ученые, а простые любознательные ЧЕЛОВЕКИ, знающие свой край до таких подробностей, до которых постороннему никогда не добраться и не постигнуть их. Так что не пренебрегайте сведениями, которые извлекают на общественных началах ради удовлетворения собственного любопытства из-за великой любви к родине сотни и тысячи краеведов. Принимайте эти открытия с благодарностью и используйте, чтобы создать более целостную картину прошлого человеческого бытия.

*«Тверская жизнь». (Живая вода).
9 сентября 2000 года.*

О нашем Василии Васильевиче АНДРЕЕВЕ

Я родился в Молдине, этом благословенном уголке удомельской земли, на берегу красивого озера, обрамленного зеленью лесов и желтыми полосками полей. Озеро на 6 километров вытянулось живописным зигзагом с юга на север, вершины его были украшены Молдинской и Поддубской церквями. Тогда мои родители были молоды. У нас иногда собирались вечеринки, кто-то приносил граммофон, и под его музыку, вылезавшую, как мне казалось, из трубы, танцевали. Бывало, что из трубы звенели знакомые балалайки, и в комнате царствовали ласковые родные звуки, наполнявшие мое маленькое сердечко тихой радостью.

Мы уехали из Молдина, когда мне было 5 лет. Родное село – утро моей жизни – оставило в памяти самые яркие воспоминания о прекрасной природе, о добрых людях, об огромном, все окутывавшем океане звуков, неотделимых от озера, парков, церквей, коммуны и ее председателя «дяди Жени». Да и молдинской знаменитой коммуны, созданной людьми, крепко верившими, что могут построить новую светлую жизнь. Вспоминался и барский дом господ Гершельманов, где разместились контора и клуб коммуны, и маленький коммунарский струнный оркестр, возглавляемый учителем Дмитрием Ивановичем Бриккером. Вот сидят рядком на сцене 5 человек, положив нога на ногу, в больших сапогах, которые тогда все носили по праздникам. На коленях они держат балалайки, а Дмитрий Иванович – мандолину. И как радовались слушатели, когда доморощенные музыканты, только что вернувшиеся с полей и скотного двора, так искусно наигрывали деревенские и граммофонные напевы.

Когда я повзрослел и стал задавать отцу вопросы о Молдине, он с радостью рассказывал молдинские истории о придурковатых сельских старостах, жестоких помещиках, хитрых и находчивых мужиках. Всегда тепло вспоминал коммуну, в которую вложил свой труд, и первого председателя коммуны Евгения Александровича Петрова. Особо выделял из дореволюционной поры одного наиболее примечательного жителя деревни Марьино, стоящей в километре на юг от Молдина, который приезжал в свое небольшое имение летом и удивлял своей энергией, доступностью, по-теперешнему бы можно сказать, демократичностью и порядочностью. Это был

известный музыкант, создатель первого Великорусского оркестра Василий Васильевич Андреев.

После войны, вернувшись из армии, я несколько раз слышал, вроде, знакомую музыку в исполнении оркестра народных инструментов. Автора и исполнителей я как-то пропускал мимо ушей, но, странное дело, я каждый раз вспоминал Молдино. И однажды узнал, что музыка принадлежала нашему земляку В.В.Андрееву, а исполнял ее оркестр народных инструментов его имени. Значит, когда я был ребенком, андреевская музыка звучала и на вечеринках в нашем доме, и в исполнении коммунарского оркестра, и всегда, когда моя душа, не понимая причин волнения от звучащей по радио музыке, заставляла вспоминать мое родное село.

Позже, когда я вернулся в Удомельский район на «заслуженный отдых», андреевская тема стала одной из любимых в моих краеведческих поисках. Однажды был праздничный вечер по случаю годовщины со дня рождения Василия Васильевича Андреева. Удомельская школа искусств приготовила интересную программу. Мне предоставили слово перед началом концерта. Рассказав кратко о значении творчества нашего земляка, я прочитал стихотворение:

*Был тихий вечер. Шустрой стайкой
В пыли купались воробьи.
И вдруг запела балалайка
И засмеялась без утайки,
Людскому голосу сродни.
По струнам расплясались руки,
И все воспрянуло окрест
Под песню радости и муки.
Так появился в мире звуков
Впервой Андреевский оркестр.
Я с детства слушал струн звучанье
То в Марьине, а то в Трети.
В восторге затаив дыханье,
Со мною слушали сельчане
Родной изысканный мотив.
То наш земляк Василь Васильич*

*Крючками нот из струн простых
Мир потрясал изящной силой
Великих чувств к родной России,
Ее напевной красоты.*

*Его уж нет, но память строже
Напоминает каждый год,
Что мир без музыки – ничтожен.
И балалайка нас тревожит
И жить бездумно не дает.*

Затем на сцену вышел председатель областного комитета по культуре С.В.Кислухин и произнес примерно следующее:

- Андреев родился в Бежецке и летом приезжал в Бежецк, и даже заказал там балалайку. Кроме того, он приезжал в Бологое, Волочечк, Тверь. При чем же здесь Удомля?

После такого заявления высокопоставленного чиновника мне захотелось доказать ему и всему миру, причастному к музыке, что Василий Васильевич – наш, удомельский. Его ученики, товарищи и учителя знали Молдино и Марьино, где в доме с флигелями и небольшим хозяйством управлялась Софья Михайловна – мать Андреева. Приезжая в Марьино после продолжительных гастролей, Андреев ходил на рыбалку, много читал и писал, вечерами играл на балалайке, время от времени выходил на крыльцо с гармонью. А то шел к амбарам, где собиралась молодежь, слушал песни (эти амбары сохранились до сих пор в центре Марьино). Он был очень общительным человеком, легко сходиллся с местными жителями, а со старожилами вообще был на дружеской ноге. Он часто посещал господ Гершельман, Назарова, Сперанских. Иногда приходил к моему деду – священнику молдинской церкви – побеседовать на душеспасительные темы. Степенная беседа часто прерывалась шуткой, анекдотом, заразительным смехом. В хорошую погоду Василий Васильевич брал у дедушки челнок, сажал моего отца на весло и выезжал на простор озера. И играл. Играл не на публику. Он вслушивался в звучание балалайки на озерном просторе, и, видимо, в это время в нем рождались новые мелодии.

Хорошо было на воде в это время, особенно вечером, когда озеро спокойно, а небо светло-голубое, подбеленное высокими тонкими кисейными облаками. Вот Василий Васильевич попросил отца не грести, откинулся назад и тронул струны. Как капельки воды с весла, булькнули первые ноты. Всегда подвижное внимательное лицо стало отрешенным, усы, дерзко оцетинившиеся в стороны, вдруг обмякли. Левая рука, обхватив гриф, тонкими пальцами едва касается струн. Правая начинает плясать над декой. Над водой разливается спокойная, вроде, знакомая, а вроде, и не совсем, мелодия. И вдруг левая рука стремительно перелетает к деке, пальцы ее напряглись, правая

рука кажется пропеллером, вращающимся над струнами, и с челнока полетели над озером птички трели, высокие, трепетные, непостижимые. «Вот таким я помню Андреева», - говорил мне не раз отец. А жители специально выходили на берег послушать андреевские импровизации.

Ну как не вспомнить и не рассказать, что стараниями В.В.Андреева в Марьине открылась школа, получившая статус министерской. Он дал значительную сумму денег и лес, а строили ее сами крестьяне. В первый год работы (1907г.) в ней было 54 ученика, затем число их удвоилось, и часть учеников занималась в андреевской усадьбе. Василий Васильевич стал попечителем школы, помогал ей, устраивал новогодние елки с подарками. Валерия Константиновна Сабина, дочь молдинского псаломщика, когда-то учившаяся в Марьинской школе, вспоминала: «Андреев организовал елку, был на празднике, играл на балалайке, а мы водили хоровод, пели, плясали и читали стихи. Рассказывала и я. Андреев тогда взял меня на руки, поднес к елке и сказал, чтобы я взяла любую игрушку. Затем поцеловал меня в голову и дал пакет гостинцев... Когда мы закончили 4-й класс, он собрал всех в школе и подарил девочкам по платку на голову и ножницы, а мальчикам – фуражки и молотки».

Мне повезло. Я еще застал в живых жителя Марьина Павла Ивановича Виноградова, который помнил моих родителей и меня. Его отец, по утверждению Павла Ивановича, исполнял должность камердинера у Андреева. Возможно, это не совсем так, потому что не велик барин был Василий Васильевич, чтобы содержать комнатного слугу, но само слово, вероятно, нравилось старшему Виноградову, и он при случае использовал его, гордясь и как-то выделяясь среди других марьинцев. Как бы там ни было, он помогал Андрееву по хозяйству, скорее всего, как соседу. И маленький Павлуша был всегда на виду у господ. Василий Васильевич часто разговаривал с Павликом и даже просил не называть его барином, как было принято, а дядей Васей... По приезду в Марьино ему приносили с гряды блюдо редьки, которую он собственноручно чистил, мыл, нарезал, солил по вкусу, наливал постного масла, все это тщательно перемешивал и ел, угощал Павлика, приговаривая, что ничего полезнее и вкуснее редьки нет.

Павел Иванович хорошо помнил андреевскую усадьбу и все ее устройство с аллеями и тропинками, и распорядком, который строго соблюдала Софья Михайловна. Так, ежедневно в два часа дня в усадьбе раздавался звонок, собиравший хозяев и

гостей на обед. Софья Михайловна специально звала: «Павлик, кушать!». А Павлик в благодарность приносил ей букетик полевых цветов. Красивая мирная жизнь протекала в андреевской усадьбе.

У Андреева всегда кто-то гостил. Это были любители и профессионалы по изготовлению музыкальных инструментов, композиторы, исполнители и артисты. Так, в 1895 году в Марьино приезжали знаменитые артисты Константин Иванович Варламов (1848-1915), Мамонт Викторович Дальский (1865-1918) и еще только начинавший осваивать оперную сцену Федор Иванович Шалапин. Часто на лето в Молдино приезжали почти все оркестранты Андреева, и тогда каникулы превращались в продолжение петербургских репетиций.

Сколько мелких и мельчайших подробностей осталось в народной памяти о том, во что одевался, что говорил, как смеялся Андреев! Интересно, что его называли всегда, даже за глаза, Василием Васильевичем.

И только об усадьбе говорили, что она андреевская. Марьинскую школу тоже вскоре после постройки стали называть андреевской. Он прожил в Марьине примерно с 1870 до 1918 года, т.е. 48 лет, всю свою сознательную и творческую жизнь. Он знал всех крестьян в окружающих деревнях и их детей. Здесь он впервые услышал звучание балалайки, и здесь он вдохновился на создание первого оркестра русских народных инструментов. Это здесь он услышал русские мелодии, которые побудили его сначала заняться обработкой народных песен для исполнения оркестром, а затем сочинять свои оригинальные вещи в угоду моде, будто бы на иностранный манер: «Вальс-фантазия», «Воспоминания о Париже», «Фавн», «Экспромт», а мелодии узнавались как русские, нашенькие. Иначе и быть не могло. Всю жизнь Андреев жил среди русского народа, русской природы. Усадьба его стояла на высоком берегу речки Молдинки, которую местами можно было перейти по камням, в обилии заполнивших ее русло. А за речкой – широкое поле, с востока сплошной стеной окантованное лесом, с севера поле ограничено парками Молдинской усадьбы, с юга – Лугининским бором. И этот вид с высоты берега незабываем: как будто вся красота России раскинулась перед тобой и поет, и играет русские напевы, чтобы остаться в очарованной душе навеки. Думается, и Андреев впитал эти напевы в Марьине с высокого берега над поющим молдинским кусочком России, а потом положил их на струны балалаек.

Здесь он пережил и трагические минуты. В 1918 году летом прокатилась по стране волна национализации. Трудно было

темным мужикам разобраться, что это за «национализация», где она была на пользу, а где – во вред. Одно было ясно: у помещиков надо было отнять землю, а с ней и их усадьбы. А кто помещик – тоже разбирались плохо. В Марьине крестьяне посягнули на андреевскую усадьбу. Собралась сходка, кем-то «подогретая» по такому случаю, беспокойная, мрачная. На крыльцо вышел Василий Васильевич, уже одетый по-дорожному, и сказал: «Я вам все оставляю, я ничего с собой не беру, дайте только спокойно уехать». Как вспоминает Павел Иванович, в этот момент Мишка Яшин, стоявший с колом в руках, бросился к Андрееву, но отец – Иван Виноградов вырвал кол и крикнул: «На кого ты руку поднимаешь?! Не он ли, Василий Васильевич, всю нашу деревню содержал, школу построил?». Народ утихомирился. Василий Васильевич уехал, конечно, с тяжелым сердцем, обиженный, но внешне спокойный. А 13 сентября 1918 года представителю Вышневолоцкого уездного исполкома и Лугининскому волостному комитету пришла срочная телеграмма, в которой было написано: «Немедленно приостановить выселение Андреева в сельце Марьинском Лугининской волости, не подвергая штрафу и реквизиции, ценный работник советской республики», а несколько позже пришло удостоверение: «В виду культурно-просветительской деятельности В.В.Андреева, направленной на пользу и служение народу, предоставляется ему, как ценному работнику, право пожизненного пользования землей в сельце Марьинском и пустошью Сопцово...». К сожалению, Василий Васильевич умер в ночь с 24 на 25 декабря 1918 года. Советская власть не стала тревожить память своего великого труженика и патриота и оставила в силе решение в отношении владения землей и усадьбой, в которой осталась хозяйкой его мать Софья Михайловна. Павел Иванович вспоминал, как он, уже девятилетним мальчиком, носил ей, старенькой, молоко и дрова.

В 1920 году случилась беда: сгорел дом Андреева, по всей видимости, от поджога. Софья Михайловна умерла вскоре после пожара, когда ей уже перевалило за 80 лет. Похоронили ее тихо на Молдинском кладбище, примерно в 2,5 м от входа в летнюю церковь.

На этом, вроде бы, и закончилась история В.В.Андреева в нашем районе. Но продолжала работать его школа, в которой учительствовали мои деды и тетки. Помнили его в молдинских деревнях. На берегах озера и над его спокойными водами часто звучала андреевская музыка: то хваткие молдинские парни осваивали балалайку, то задумчивая гитара рокотала

андреевские напевы, то еще не устаревший в предвоенные годы граммофон рассыпал оркестровые вальсы.

Перед войной сгорел андреевский флигель, в котором был устроен Марьинский сельский клуб. Андреевская школа работала до 1936 года, пока ей в помощь не была построена новая деревянная семилетняя школа между парками.

29 июля 1966 года, по приглашению колхоза «Молдино», сюда в полном составе приехал русский народный оркестр Ленинградского радио и телевидения имени В.В.Андреева. Гости дали два концерта, на которых побывало свыше тысячи андреевских земляков. А в 1996 году, в 135-ю годовщину со дня рождения Андреева, в Молдине побывал руководитель андреевского оркестра И.И.Хохлов, в разговоре с молдинцами пообещавший еще раз приехать сюда с музыкантами и порадовать сельчан андреевской музыкой. Но пока не едут. Видно, реформы не пускают. И смогут ли приехать на 140-летие со дня рождения Василия Васильевича, которое мы обязательно будем отмечать, неизвестно.

В настоящее время в Удомельском районе устоялась, укрепилась традиция ежегодно проводить Андреевские музыкальные праздники. В этом деле тон задает Удомельская школа искусств, с великолепным оркестром народных инструментов. Приезжают из Молдина воспитанники учителя Воронцова с исполнением музыкальных произведений на народных инструментах. Примерно через год Андреевские праздники проводятся в Молдине. На огонек Андреевских юбилеев к нам заезжают со своим оркестром бежечане, иногда – московские исполнители народной музыки.

Вот такой он, наш Василий Васильевич, знаменитый Андреев, родившийся в Бежецке, но выросший и проживший всю жизнь в Марьине и оставивший в памяти такие милые, непосредственные подробности своей жизни вместе с могилой матери, которые навечно привязали его тысячами нитей к удомельской земле, где он взял все лучшее в музыке, перенес в оркестр и покорила тем самым мир.

«Тверская жизнь», (Живая вода),
август 2000 г.

Об удомельских озерах

Рельеф Удомельской территории, по тверским меркам, довольно беспокойный: три возвышенности с холмами, увалами, грядами часто создают замкнутые емкости, куда с ледниковых времен набралась вода, образовав озера. В районе их свыше 70, больших и малых, мелких и глубоких, радостно-приветливых и мрачно-таинственных.

Об озерах часто говорят, что они – жемчужины Тверской земли. Я однажды посмотрел на озера с высоты полета «кукурузника». Оттуда они виделись зеркалами, оправленными в причудливые рамки берегов. Они отражали небо с облаками и береговые кромки с прибрежными зарослями. Жемчуг – это чересчур высокопарно. Для меня озера – это зеркала, отражающие целый мир, перевернутый в водном пространстве.

Я родился и вырос на удомельских озерах. Они не потрясают воображение размерами, глубинами, легендами, но привлекают к себе открытостью, как распахнутыми объятиями, тонкой расцветкой воды, бесконечной работой волн и таинственным шорохом тросты.

Кстати, о тресте. У нас в просторечье все многообразие водной растительности, произрастающее на мелководье, разделяют на три вида: треста, самая шумливая, с острыми лезвиями листьев, занимающая чистое песчаное дно; камыш – темный, с бархатными шишками, похожими на милицейский жезл, часто вылезаящий из озера на влажный берег; хвоц – трубчатые стебельки, разделяющиеся на отдельные звенья, растущие на болотистом дне. Там, где хвоц, – осторожно, дно грязное, вязкое. Где треста – дно твердое, надежное.

Прекрасны озера в ясную погоду, утром и вечером, когда вместе с изменением небесных красок меняется и окраска воды. А так как воды много, весь мир становится цветным: утром свежие, отдохнувшие за ночь цвета, радостно улыбающиеся просыпающемуся миру, с торжественным восходом солнца, с чистым просветленным небом настраивают и вдохновляют на движение, работу, жизнь. А вечером – уставшие, приобретя красноватые оттенки, цвета неба и воды, сдобренные сизым цветом прощального облака, создают лирическое настроение. И все становится таким милым, нежным, немного грустным, что хочется петь.

Если же погода пасмурна, красок нет. Все серо, однотонно, одиноко. Только по всему озеру волны взмахивают своими белокурыми гребнями и идут, идут по ветру бесконечной печальной чередой.

К городу Удомля с севера примыкают два озера: Песьво и Удомельское. По последнему получил название и город. Раньше оба озера соединялись 100-метровой узкой S-образной протокой. В 30-е годы для сплава леса протоку спрямили небольшим каналом. И через протоку и канал был перекинут деревянный мост, с которого можно было наблюдать на юге озеро Песьво, а на севере – озеро Удомля. Удомля всегда имела мрачноватый цвет, при солнце – стальной с просинью, как закаленный металл в цветах побежалости. А темная стена Лубенькинского бора и острова Двинов подчеркивала тревожную расцветку воды. А Песьво всегда имело веселые тона. Если солнце светило, озеро играло мириадами солнечных зайчиков, при безветрии отливалось такой радостной просветленной голубизной, что хотелось кинуться в нее и саженками отмахивать километры к южному заманчивому берегу.

Со строительством Калининской атомной станции (КАЭС) озера соединили широким, в 60 метров прораном, через который

нагретая на КАЭС вода устремляется могучим, в 100 куб. метров в секунду, потоком на север, из Песьва в Удомлю, чтобы остыть в глубокой чаше Удомли и снова войти в трубы атомной электростанции, охладить их и уйти в кругооборот, начиная с Песьва. Через проран построен железобетонный мост, пригодный для любого транспорта. По нему движется железный поток, а он не шелохнется, настолько прочен и велик. Но с высоты современного моста озера теперь смотрятся по-иному. Точка обзора поднялась, на озера смотришь свысока, и от этого они, вроде, стали меньше размером. И уже нет того очарования, которое наблюдал в детстве, глядя на озера со старого низкого деревянного моста.

Озеро Песьво имеет площадь 668 га со средней глубиной около 3 м. На озере несколько мелких мест (сухменей) глубиной до двух метров и 4-5 островков, появляющихся или исчезающих в зависимости от сезонных колебаний уровня воды. Если же отбросить крайние значения глубин, то среднее значение будет 4-5 м. Может быть, поэтому Песьво такое домашнее, часто радостное и умиротворяющее.

Озеро Удомля имеет площадь 1000 га со средней глубиной 10 м, но есть глубина 38 м. Когда проплываешь на лодке над такой глубиной, немного кружится голова, как будто проходишь над землей на такой же высоте. Да, размеры озера, возвышенные берега, несколько прибрежных боров создают ощущение настороженности и мрачноватости.

Оба озера имеют сильно изрезанную береговую линию, в результате длина береговой линии на Песьве достигает 17,5 км, а на Удомле – 26,5 км. Когда-то оба озера представляли один водоем, в центре которого находился остров, отделенный от материка заболоченной отмелью. Он как раз и разделял водоем на две части. На острове в середине второго тысячелетия был монастырь Иоанна Богослова. Со временем отмель заросла и соединила остров с материком. У монастыря появился торговый рядок, к рядку и монастырю подошла дорога. Со временем монастырь был списан, а на его месте осталась церковь приходская Троица. Около церкви выросло небольшое село, потому что для него мало земли: кругом вода да болото. Но село было торговое, с ярмаркой, потому что стояло на пересечении водных и сухопутных дорог. После Великой Отечественной войны и строительства КАЭС село исчезло. Осталась великолепная действующая церковь, каменная, белая, высокая, как маяк, стоящая у межозерной протоки.

В те, теперь далекие времена, когда КАЭС еще не грела наши озера, они замерзали. Сначала лед появлялся на мелководье, тонкий, упругий, предостерегающе потрескивающий и прозрачный настолько, что сквозь него было видно дно с камнями, ракушками и рыбой, уткнувшейся между льдом и дном. А в центре озера угрожающе чернела огромная полынья. Постепенно морозы делали свое дело: полынья исчезала. Последними полыньями долго оставались места, где было или очень глубоко, или где не спешила зимовать текучая вода: в истоке реки Съежа, в устье реки Тихомандрица, около межозерной протоки и около острова Двинов, где наибольшая глубина. Существовало поверье, что полыньи не замерзают до тех пор, пока кто-нибудь не утонет. В деревне Ряд, чтоб не утонули люди, топили кошку, и тогда озеро, якобы, покрывалось сплошным ледяным настилом. Через озера по льду с большим риском прокладывались зимники – дороги более короткие и ровные. И ехали по ним люди напрямую через озеро. И почти каждый год тонули, несмотря на предупреждающие прошлогодние трагедии.

А к Новому году, глядишь, по озеру уже мчались отчаянно полуторки. И озеро грозно гудело под колесами, разводя по льду страшные трещины. Потом лед укреплялся еще больше, но появлялись сугробы, и уже только конный транспорт мог пользоваться зимником.

В 1941 г., в декабре, на Песьеве сделал неудачную посадку наш двухмоторный бомбардировщик. Сел на «брюхо», из-за чего погнулись винты, а один двигатель выскочил из своего гнезда. Лед под тяжестью самолета прогнулся почти на метр, но воду сквозь трещины не пропустил. Груз пролежал до эвакуации часов 12, и лед держал. Вот такая прочность и упругость озерного льда.

К весне сугробы на льду осаждались, зимник, утопанный и унавоженный сотнями подвод, поднимался над ледяной равниной метровой стеной, по которой могли двигаться только лошади. Пешком ходить становилось трудно.

В апреле весна отъедала лед от берега, и тогда огромное поле разрушающегося льда, состоящего из отдельных, слабо связанных между собой кристаллов, под напором ветра начинало плавать от берега к берегу, все больше и больше освобождая поверхность воды с подветренной стороны. А на наветренном берегу ледяное поле, как бульдозер, врезалось в прибрежный грунт, сдвигало его вместе с песком, галькой, кустами на несколько метров, а потом таяло под весенним солнцем, оставляя после себя обезображенную береговую полосу, которую целое лето и осень будут зализывать волны.

Озера были нашими кормильцами, постоянными соседями, колыбелью и местом забав, тяжелой работы, неизгладимых впечатлений детства и юности, источником раздумий и мечтаний.

Наступало лето. Озеро становилось местом работы, привычной и необходимой для дома. Первейшая обязанность для меня – доставка воды. Какая бы ни была погода, идешь, бывало, с парой ведер и коромыслом к озеру. У нас берег отлогий, и надо идти в глубь озера метров на 10, чтобы зачерпнуть ведром чистой воды. В теплые июльские дни вода в Песьеве «цвела», на ее поверхности появлялся небольшой слой ряски. И чтобы зачерпнуть воды, нужно разогнать этот слой. Если же на озере разгулялась волна, на отмели вода становится мутной, и надо забираться вглубь, где мути меньше. Вот и лезешь до тех пор, пока волна не схватит холодными лапами за «сиденье». Домой идешь, покачиваясь под тяжестью ведер на коромысле, с явным признаком старания, что воду брал чистую, из глубины, о чем свидетельствуют мокрые штаны.

Наш берег был, можно сказать, рабочим. Здесь размещался пункт по приему рыбы от рыболовецких бригад, здесь же было устройство для смоления неводов и сюда же пригоняли сплавом лес и дрова. Выгружать их на берег из воды – постоянная работа на целое лето. Тяжелые бревна катали в штабеля грузчики, приезжавшие с лесозавода, молчаливые крепкие дядьки, и взрослое местное население. А дрова – метровые плахи – вылавливали и складировали на берегу в поленицы двухметровой высоты мы – ребяшня. Выполненную работу от нас принимал мастер и по осени рассчитывался с нами обычно дровами, что было очень важно для дома. Дрова были честно заработаны тяжелым трудом в мокроте и на ветру.

От нашего берега на север располагались два острова: Первый и Второй, или Кролячий и Телячий. На Телячем острове пасся скот: лошади, коровы, телята. Там же была и наша коза. Остров, как надежный пастух, не позволял скоту разбредаться по посевам, теряться в лесу. На 2-3 га вся скотина была на виду. Ежедневно на остров нужно было ездить трижды на дойку. Это было мое любимое занятие, постепенно переросшее в святую обязанность. Ко мне приходили женщины и коротко говорили: «Поехали!». Я брал весла и вез их на Телячий в любую погоду. Сначала на крутой волне женщины вскрикивали и причитали, потом привыкли, уверовав, что я не подведу, привезу их туда и обратно целыми и невредимыми. За перевоз соседка тетя Лена доила нашу козу. Крупная волна всегда шла с северо-запада, от имени Бережок, где стоял белый дом графа Храповицкого,

в 30-е годы использовавшийся в качестве Дома отдыха. Порой, с той стороны с ветром прилетали обрывки музыки. Лодка шла, поднимаясь и опускаясь на волнах, как на качелях, под эту музыку, и мои пассажирки иногда даже нервно смеялись от такого сочетания страшных волн и музыкального сопровождения. Но не весь путь так страшен. Первый, Кролячий, остров я объезжаю с восточной стороны: здесь тихо, и лодка идет споро. А когда нужно проскочить пролив между островами, здесь-то и происходят самые великие страсти. Волна, зажатая островами, становится круче, выше. Она сильно бросает лодку, и требуются умение и сила удержать ее в нужном направлении и не дать захлебнуться нашей маленькой скорлупке могучей водной стихией, встающей грозными, то серыми горами в пасмурную погоду, то мрачно-зелеными в солнечные дни.

Бывал у нас и водяной сенокос. В выходные дни при хорошей погоде я с отцом выезжал на покос тресты, которую наша дойная коза потребляла с превеликим удовольствием. Мы заходили в воду по пояс и начинали косить, удерживая косу чуть ниже поверхности воды. Вода удерживает полотно косы на одном уровне, при этом срезаются только свежие стебли, минуя прошлогодние. Косьба идет медленно: все-таки вода сковывает движения. Вода холодна, и даже, как говорится, работая в поте лица, все равно мерзнешь до посинения.

Два лета мне пришлось поработать и штатным рыбаком. С началом войны, когда опытные рыбаки ушли защищать Родину, на смену им пришли старики да мальчишки. Вот и меня определили в неводную бригаду и сразу – за тридцать верст, на озеро Ульстим. В бригаде я оказался самым маленьким по росту и годам, и старики мудро рассудили, что всю смену мне на неводе не выдержать, пусть-ка сходит для бригады за хлебом за 3 км в Котлованское сельпо, да улов засолит, да квитанции выпишет, да отчет держит перед центральной конторой, да хлопочет насчет варева, а остальное время поработает с бригадой на неводе. Летний невод – легкий. Его тянут 12 человек, за июльский световой день делали 5-6 тоней, т.е. 5-6 раз невод забрасывали и вытаскивали. Уловы были небольшие, в основном, ловили мелочь, мелкий частик, как я писал в квитанциях: мелкие окунь, плотва, ерш. Если попадалась рыба покрупнее, мы ее варили в бригадном котле, потому что заниматься мелочью за столом ни сил, ни времени не было. И сколько надо было съесть той мелочи, чтобы наполнить пустые, уже перешедшие на военный режим желудки. На зимнем лове мне работать не пришлось. Мал был и слаб для такой

работы. Дело в том, что зимний невод больше летнего, его тянули человек 20. Перед этим нужно было сделать большие прорубы для опускания невода под лед и вытаскивания его из подо льда, и десятка два малых прорубей для прогона веревок и крыльев невода подо льдом. За короткий зимний день бригада успевала сделать две-три тони. Здесь работа была очень тяжелой. Сколько ж надо было поработать пешней, чтобы наделать прорубей! А сам невод, тяжелый, и к тому же обледенелый, приходилось не в лодку укладывать, а на подводы, сопровождавшие бригаду. Да еще надо тащить невод из воды!

Спецодежда в те времена состояла из рыбацких, с высокими голенищами, резиновых сапог, брезентовых просмоленных фартуков и брезентовых, тоже просмоленных, рукавиц. Остальное надо было иметь свое. Когда рыбаки готовили проруби, снимали полушубки, порой – и теплые рукавицы, работая в брезентовых, чтобы не сбить руки. Но когда тянули невод из проруби, одевались тепло, сверху – фартуки, а всякие рукавицы – долой, и за работу. Маленьким я все думал, как же у дяденек руки не мерзнут, когда от холода самого трясет? А все объяснялось просто: человек тяжело работает, тело разогревается, а руки постоянно в воде, температура которой около нуля градусов, а воздух порой 20 градусов ниже нуля. Вот и греются руки в воде. Но уж если руки замерзали при выгрузке рыбы или другой «сухой» работе, начинаются рыбацкие упражнения по отогреванию рук. Стоит человек и изо всех сил бьет руками вперехлест: правой рукой по левому, а левой – по правому боку. И руки отогревались, отходили без обычной при таких случаях боли. Пробовал на себе эти упражнения – помогало.

Озеро – это открытое пространство, здесь всегда ветер сильнее, мороз крепче, и трудно человеку, если он не движется, не работает, не согревает себя. Рыбаки при этом редко простужались. Часто одолевал ревматизм. Но никогда я не слышал от них жалоб на тяжелые условия труда. Это был образ жизни, и ничего рыбаки не знали и что-либо менять не желали, хотя можно было перейти на суходутье в колхоз, в различные промартели, которые, как грибы, перед войной росли по районным центрам и поселкам. Это были озерные жители, пропахшие рыбой и смолой, обладавшие своим, особым ремеслом ловить рыбу, готовить снасти, вязать дель – ячеистую материю для неводов и сетей, но порой не умеющие косить, запрячь лошадь. А однажды я узнал, что эти люди еще и не умеют плавать...

В 1942 г. Удомельский рыбзавод снарядил бригаду на реку Мологу, попробовать половить рыбу в реке, а то в озерах что-то перестала ловиться. Попал туда и я. Однажды старый рыбак Алексей Семенович предложил мне половить в реке рыбу сетью. Мы взяли долбленку, узкую, неустойчивую, сделанную из одного бревна, очень непривычную для нас, озерных рыбаков. Дядя Леша стал метать сеть, а я на корме стал подруливать веслом. Опытный, простоявший и просидевший всю жизнь в озерной лодке рыбак забыл, что находится в долбленке, размахнулся сетью и тут же перевернул лодку. К счастью, он не выпустил сеть из рук. Я же оказался на мелком месте, ухватился за сеть и с нею вытащил дядю Лешу, уже пускавшего пузыри, на берег. Здесь он и признался, что мог утонуть, потому что плавать не умел: всю жизнь с детства он работал в воде и плавать, заниматься «баловством», извините, было недосуг.

Рыбачий труд тяжел. Я не знаю, как трудились рыбаки в других местах, а у нас – все вручную: к тоне гребешь, на тоне тянешь, а потом опять гребешь. От постоянной нагрузки с непривычки у меня болели, кажется, все косточки, все суставы. Потом привык, втянулся и, кстати, купаться не тянуло. Тело наливалось силой, в походке появилась основательность. У нас был паренек, который с отцом работал в бригаде с 12 лет, после четвертого класса. В 14 лет от чрезмерного развития мускулатуры на рыбацком поприще он не мог согнуть руку, чтобы поднести палец ко рту: мешали бицепсы. Я до такого состояния не дожил, взяли на войну, где рыбацкая закалка, физическая подготовка и умение работать веслами помогали в труднейших условиях. Но это уже другая тема.

Мне нравились рыбаки – сильные, надежные люди, трудолюбивые властители удомельских озер, тонкие знатоки своего ремесла. Сколько они знали о поведении рыбы, о состоянии озера, о погоде! Они никогда не рассказывали об этом, может быть, потому, что не умели передавать свои знания словами, но надо было наблюдать за ними в работе, делать свои выводы, наматывать науку на ус. Вспоминаю, как бригадир нас, двух мальчишек, всегда сажал на весла, чтобы переехать с одной тони на другую. Мы гребли с другом на пару, у каждого по веслу – правое и левое. Ноги упираются в шпангоут и невод. На корме с рулевым веслом сидит бригадир. Он внимательно смотрит вперед, выискивая место для начала тони. Вторая лодка плывет сзади, связанная с нашей неводом, лежащим в обеих лодках. Во второй тоже пара гребцов, но уже без рулевого. Вот бригадир начинает крутить головой, разворачивает караван и

приговаривает: «Вот отсюда и начнем, прихватим эту косичку тресты и потянем вон к той ольшине-раскоряке».

И хотя он все говорит, вроде, про себя, ясно, что это – для нас, гребцов, команда. Начинается замет. Гребцы работают изо всех сил, потому что невод, сбрасываемый в воду, сильно тормозит лодку. А нужно скорее, скорее обложить неводом участок озера, иначе рыба уйдет. А бригадир на корме приговаривает: «Ишь, заволновалась... Смотри, как гуляет!... Не гремите веслами, ребятаки». И мы, чувствуя напряжение бригады и всю свою ответственность, стараемся нажимать на весла, но так, чтобы ни стука, ни всплеска не было. Наконец – берег. Гребцы вытаскивают весла из уключин, освобождая место для укладки крыльев невода. Пока вытаскиваются веревки, привязанные к крыльям, гребцы несколько минут отдыхают. Но вот показалось крыло, пора и им включаться в коллективную работу.

Меня всегда удивляло чутье бригадира. Он как будто сквозь воду видел ход рыбы и состояние дна. Кстати, летний лов более продуктивный ночью, и мы работали по ночам, когда, вообще-то говоря, не видно ни воды, ни берега, ни самой рыбы. Но у старого рыбака слух порой заменял зрение. В однообразном озерном шуме он различал шум волн и шум тресты – признак близкого берега. Мы, мальчишки, могли определить свое местоположение на воде при вечерней и утренней заре, а бригадир в полной темноте определял местонахождение рыбы и удивлял нас, как фокусник.

Я знал несколько бригадиров. Каждый из них был по-своему колоритен, выделяясь среди остальных рыбаков уверенностью, распорядительностью и умением поддерживать рабочий настрой целой бригады. Наибольшее впечатление на меня производил Иван Васильевич Нечаев, примерно сорокалетний худощавый невысокий человек с приметными, почти чапаевскими усами, внимательным взглядом и полным портретным сходством с украинским писателем Иваном Франко. Нечаев среди рыбаков выделялся интеллигентностью: никогда не повышал голос даже на работе, не матерился, при разговоре, чувствовалось, подбирает слова, чтобы выразиться точнее и даже изящнее.

Был у нас очень колоритный, богатырского сложения, с запорожскими усами бригадир Сафронов Яков Васильевич. Этот, в отличие от Нечаева, матерился в хорошую и дурную погоду на чем свет стоит. Сначала я боялся его, а потом, узнав поближе, убедился, что это добрейший человек. Еще он выделялся тем, что несмотря на то, что он – бригадир, начальство, ни на минуту

не прерывал свою физическую работу, не отвлекался для выполнения руководящих обязанностей. Он командовал на ходу, при этом казалось, что гребет и тянет сильнее всех, поднимает за всех и стоит выше всех в слаженной работе бригады.

Сафронов жил на Рыбацком Стану, на берегу озера Удомля. В километре южнее, в селе Троица, жил Нечаев. Между ними – Троицкий плес Удомли. Все вопросы взаимодействия бригад решались с помощью лодок: чтобы поговорить, надо плыть через плес на лодке. На Рыбацком Стану жил и заместитель директора рыбзавода Щипонников Николай Павлович, тоже бригадир в недалеком прошлом, большой знаток всего рыболовецкого хозяйства, главный консультант директора по озерным делам.

А в Троице, рядом с Нечаевым, проживал великий мастер-лодочник Петр Петрович Яшков. Когда-то он тоже руководил бригадой, но годы потребовали уйти с озера, и он занялся изготовлением лодок. Стапеля он разместил на улице под окном, и весь процесс изготовления лодок был на виду. Заказчиками были Удомельский рыбзавод и дачники, которым нравились не только обводы его лодок, но и легкость, быстроходность и устойчивость на волне. Лодки изготавливались разной грузоподъемности: от больших неводных до маленьких разъездных, иногда даже со съёмным килем под парус. В 50-е годы в Удомле построили специальный завод, где стали делать прогулочные лодки, подобные яшковским. Попробовал я на них поплавать – не то: велика парусность, центр тяжести смещен к корме, из-за чего лодка задирает нос, плохо отзывается на движение весел. Нет, не то! Изделия Петра Петровича были неповторимы, вне конкуренции!

Сколько интересных людей жило и трудилось на удомельских озерах! В повседневной сутолоке мельтешат перед глазами отдельные грани человеческих характеров и образов, надоедая, раздражая, а порой радуя. А проходит время, и вспоминается отдельный человек во всей своей многогранности, и кажется, что не было оригинальнее, самобытнее его, видимого издавлек, к сожалению, ушедшего из жизни и уже никогда не могущего удивить, потрясти или порадовать своей индивидуальностью. Иногда, приходя на Троицкое кладбище, я подходил к памятнику Яшкову и вспоминал его спокойные движения около строящейся лодки, при которых, казалось, что лодка сама себя рождает, а Петр Петрович только дирижирует инструментом, поглядывая на восхищенных зрителей с застенчивой улыбкой. Рядом находится могила графа

М.В.Храповицкого, который уже упоминался выше. Это был удомельский помещик, его земли окружали озеро Песьво, ему же принадлежали деревни Дюкино, Лайково, Паношино, Мерлугино, Саниково, Загорье, т.е. все земли, на которых ныне стоит город Удомля и часть Удомельского сельского округа. Этот граф перед смертью в 1819 г. всех своих крепостных отпустил по завещанию на волю, переведя их в сословие вольных хлебопашцев с землей и «безденежно». В память о столь благородном поступке вольные хлебопашцы на могиле графа положили мраморную плиту с благодарственной надписью.

На северном берегу озера Удомля стоит сельцо Гарусово. Здесь родился и провел детство современник Храповицкого и тоже граф Алексей Андреевич Аракчеев, известный государственный деятель, энергичный и плодовитый на большие дела в пользу государства Российского.

Почти в то же время в трех верстах от Гарусова, в Тихомандрицком приходе, правил службу священник Павел Соколов, отец Ивана Менделеева и дед великого ученого Дмитрия Ивановича Менделеева.

Перечитывая летописи Великого Новгорода, узнаем, что еще в первой половине второго тысячелетия озеро Удомля находилось в центре одноименной волости, да не простой, а владычной по случаю принадлежности ее Новгородскому владыке – главе Новгородской церкви. Эта волость занимала третью часть современного района и была, возможно, одним из крупных земельных массивов, принадлежавших одному лицу, среди моря клочков поместий и вотчин царствовавшей в ту пору феодальной раздробленности. Эта древняя история наложила своеобразный отпечаток на жизнь Удомельского края. Возможно, владыка выбирал этот живописный край сам, чтобы не только подати собирать, но и любоваться его красотами. Озеро Удомля, порой, сурово и наводит на мысли о бренности, о бесконечности мироздания и прочих философских предметах. Не зря 100 лет искусствоведы считали, что непревзойденный Левитан срисовал с озера Удомля свое потрясающее полотно «Над вечным покоем», и кружили вокруг него, отыскивая место, с которого тот написал этот гимн величию природы и скорбную песнь человеческому существу, но так и не нашли.

Из Удомельского озера вытекает река Съежа и в 10 км ниже разливается в Островенское озеро, окруженное высокими берегами. Здесь в 1893-1895 годы работал И.И.Левитан, создавший шедевры «Март», «Золотую осень» и «Над вечным покоем». В 1895 г. к Левитану приезжал А.П.Чехов. Пробыв в

Островно всего неделю, наблюдательный и великолепный знаток человеческих душ Антон Павлович сумел взять сюжеты для пьесы «Чайка» и повести «Дом с мезонином».

А в 1901 г. в имение Ворониха на озере Кезадра приехала группа молодых художников: А.С.Степанов, Н.П.Богданов-Бельский, В.К.Бялыницкий-Бируля, С.Ю.Жуковский, А.В.Моравов. Позже к ним присоединились А.Е.Архипов, К.А.Коровин, В.В.Рождественский. Вскоре все они поселились в деревнях и усадьбах вокруг озер Удомля, Песьво и Островно. Бялыницкий-Бируля построил на высоком берегу дачу «Чайка», где прожил долгую, насыщенную творчеством, жизнь до своей кончины здесь же в 1957 г.

На Удомельской земле эти художники работали настолько плодотворно, что написали свыше 500 картин, этюдов, эскизов, отразив природу и жизнь народа. Своеобразие озерного края надолго привлекло внимание мастеров кисти. А в 1919-1922 годы они же организовали на базе дачи «Чайка» Свободные государственные художественные мастерские, в которых учили крестьянских детей изобразительному искусству, разным видам прикладного искусства и даже занимались повышением квалификации учителей рисования.

В 10 км ниже от Островенского озера в Съезу левым притоком впадает небольшая речка Ульстимка, истекающая из озера Ульстим. Оно вытянулось с юго-запада на северо-восток, поперек всем удомельским озерам. Берега открыты, а на них стоят 5 деревень. Западный берег, поднимаясь над водой на 20 метров, на востоке снижается до уровня воды и превращается в мокрый луг. Озеро с любой точки просматривается полностью, и этой открытостью отличается от других озер. Название озера по разным источникам пишется по-разному, хотя жители прибрежных деревень четко выговаривают: Ульстим. Название явно нерусское, и даже не славянское, но звучное и солидное.

В XVIII-XIX веках на берегу Ульстима были владения помещиков Тормасовых. Кто-то из них «сидел» на имении, кто-то был на государственной службе. Тормасов Александр Петрович (1752-1819) слыл боевым генералом: в 1808 году был главнокомандующим российскими войсками в Грузии и на Кавказской линии. «Он усмирил Кавказ», - пишется о нем в Энциклопедическом Словаре Эфрона и Брокгауза. В Отечественную войну Тормасов командовал 3-й армией, был начальником тыла войск под командованием М.И.Кутузова, а когда последний слег, принял главное командование всей российской армией, которая уже изгоняла Наполеона из пределов

Германских земель. Его племянница, девица Клеопатра Петровна, поставила на берегу Ульстима великолепную каменную церковь Спаса, до сих пор восхищающую редких путников изяществом архитектурных форм. А на противоположном берегу стоит деревня Тормасово-Комарно, на месте одной из усадеб Тормасовых.

В 6 км севернее озера Удомля находится самое крупное в районе озеро Наволок площадью 12,2 кв.км. Низкие его берега, удаленные на 3-4 км, едва видны. Только ольховые заросли узкой полоской окантовывают водную поверхность. Как-то переплывая Наволок на байдарке, я получил от него довольно тягостное впечатление:

*Озеро, похожее на блюдо,
Видим неуютным и пустым.
Волны в нем о берега не бьются,
Гаснут в вязких зарослях тресты.
В серых волнах серо все и плоско.
В сером небе облака глухи.
Между небом и водой – полоской
Серость бесконечная ольхи.
Мы спешим на мускулах и нервах:
Пусть нам повстречаются в пути
Водяные страсти, ярость неба,
Только бы от серости уйти!*

Примечательно, что на берегах такого большого озера нет деревень. В старину бывшие деревни находились в 0,5-1,5 км от берега, и воду брали не из озера, а из колодцев. Вот такая странность!

А в 3 км на восток от Наволока – совсем другое озеро, Кезадра. Площадь его свыше 800 га, чистое, глубокое, с высокими берегами, обрамленными лесом. В солнечную погоду оно видится синего цвета, а в пасмурную – серо-сталистым, тревожным. Озеро изливает свои воды в речку Кезу Волжского бассейна, а озеро Наволок – в речку Тихомандрицу Балтийского бассейна. Между этими озерами и далее через весь Удомельский район проходит зигзагообразная линия главного водораздела между Волжским и Балтийским бассейнами. Это тоже особенность района, отложившая отпечаток на историю и современность его. Так, на водоразделе обнаруживаются древние волокы, а выбор места для КАЭС тоже, очевидно, связан с наличием водораздела.

В 80-е годы строители КАЭС задумали часть воды Кезадры перекинуть в Наволок и далее в озеро Удомля, т.к. воды из Песьва и Удомли при расширении КАЭС явно не хватало. Когда эта «идея» дошла до общественности, народ запротестовал: разве можно уродовать этот сказочный уголок района с русским лесом, пейзажами, словно сошедшими с васнецовских полотен! Работы по переброске вод приостановили, а потом нашли вариант с градирями. А народ, особенно приезжий, продолжает любоваться озером и его окрестностями.

В южной части района находятся пять похожих по форме озер Волжского бассейна: Маги, Волчино, Кубыча, Перхово, Молдино. Они образовались из рек, перегороженных моренами последнего оледенения. Все они - узкие, с изгибом, как сами реки, окантованные живописными лесами. Все они привлекают внимание уютом, красотой и возможностью отдохнуть. Так, на Молдинском озере только в пределах села Молдино в дореволюционное время были усадьбы господ Назаровых, Гершельманов, Фрезе, Сперанских и в километре от Молдина – создателя первого Российского оркестра народных инструментов В.В. Андреева. На озере Кубыча в 1905 г. выбрал место для дачи изобретатель радио А.С.Попов. На озере Волчино располагается известный дом отдыха «Голубые озера». А на западе района, параллельно реке Мсте, тянется цепочка озер: Максимовское, Бобрище, Велье, Ямное, Дмитрово, Свирка, Карасино, Званка, Лука, Моринец, Кадише, Званка Млевская. Как будто кто-то нес воду в пригоршне, и капли из нее расплескались в эту цепочку. И каждое озеро имеет свое лицо. Самое большое, в виде вытянутого прямоугольника, площадью 150 га, озеро Велье. А озеро Кадише имеет площадь 2,8 га. На берегах Велье разместились три деревни, а Кадише находится среди полей, почти круглое, и даже кажется обвалованным – огромная кадка. А озеро Лука вдоль всей своей длины имеет узкий длинный остров, разделяющий озеро на две части, как на две реки, с изгибом северного конца. Поэтому и называется Лука.

В самом центре района, между деревнями Порожки и Щеберино, среди увалов спряталось небольшое озеро со странным названием Ласотынь. Оказалось, что об этом озере не все знают даже из тех, кто живет недалеко от него. А это – красивое озеро площадью 12 га, обрамленное нежными кустами ивняка, на которое всегда смотришь сверху, настолько высоки его берега. И удивительно то, что когда об этом озере я рассказывал своим землякам, некоторые заявляли: «Не может быть!». Озеро-то не промысловое, хоть есть оно, хоть нет – для людей, занятых

постоянным трудом по добыванию хлеба насущного, оно не имело значения.

Однажды в летописях встретил название озера Радиж, о котором никто ничего не знал. После кропотливой работы с материалами XVI-XIX веков обнаружил, что на берегу этого озера стояла деревенька Радижка. Позже, в записях XIX в., слово Радиж было поставлено в скобки после названия озера Астратовское, как второе название, выходящее из употребления. А на берегу озера Астратовское стояла деревня Астратово. Вот вам и история происхождения названий мелких деревень и озер: то озеро дает название деревне, то – наоборот. Астратово происходит от христианского имени Евстратий, а от чего происходит Радиж, неизвестно, но звучит оно таинственно, как Китеж, Сенез, Пучез, Радонеж, пахнувшие ладано и древностью.

И однажды в дождливый осенний день я с внуком добрался до Радيجا, предоставив моему потомку первым увидеть его и сделать свое первое географическое открытие. Радиж казалось небольшим озерком в 11 га, втиснутое между холмами и обрамленное ивняком и ольхой. Оно открывается только тогда, когда подойдешь к нему почти вплотную. На берегу – кострище, а в воде торчат колья, к которым рыбаки при ужении привязывают свои надувные лодки. Озеро находилось в лесу в 3 км от ближайшего селения, и обычные деревянные лодки сюда не дотащить.

Названия озер, или лимнонимы, часто помогают определить тип озера, его местоположение и даже историю свершений вокруг озера. Мелкие озера, как только что рассмотренное озеро Астратовское (Радиж), получили название от ближайших деревень: Акульцево, Бардаево, Боронатово, Воротково, Мурово и т.д. Многие мелкие озера имеют названия по какому-либо характерному признаку: Глухое, Гусиное, Большое, Малое, Источно. Есть такого же типа названия на забытом старорусском языке: Велье – «Великое, Большое», Клещно – «Лещовое», Желебно – «Русловое» (Мальцевское).

Но есть названия, которые не узнаются, они – из другого языка. Предшественниками славян на Удомельской территории были вепсы - летописная весь, проживавшие от Ладожского до Онежского озер на севере до реки Медведица, протекающей в Тверской области и впадающей в Волгу. Славяне пришли сюда в V-VI в. н.э. и мирно сожительствовали с вепсами, постепенно ославянивая этот сравнительно малочисленный народ. Одновременно славяне осваивали вепские названия озер, рек. Названия крупных объектов сохранились до сих пор, сложные

труднопроизносимые славянами переосмысливались на славянский язык или заменялись в соответствии с типом, внешним видом.

Есть в Копачевском сельском округе большое, в 207 га, озеро Маги. Восточный и южный берег его горист, на юге была даже деревня Зеленцова Гора. На вепсском языке мяги – «гора». Русские произносят Маги – озеро с горой.

Озеро Кезадра с вепсского переводится как «теплый берег». Действительно, на северном берегу много родников, мешающих местами замерзнуть озеру. На границе с Вышневолоцким районом есть озеро Тишадра с низкими берегами, заросшими осокой, тростой и луговыми травами. При этом прибрежные травянистые заросли занимают сотни гектаров. По-вепски название озера звучало Кишадра – «травянистый берег».

На востоке Рядского сельского округа есть озеро Новое площадью 25 га. Возникает вопрос: почему озеро новое, если все озера образовались одновременно с отступлением Валдайского ледника? За озером на восток расположено большое непроходимое болото площадью свыше 1000 га. Выяснилось, что в вепсском языке непроходимое болото, трясина называются ново (сравните финское нево – «болото», давшее название реке северной столицы России). Озеро, находящееся рядом с болотом, вепсы называли Ново, а славяне и позже русские – Новое.

Из озера Маги вытекает речка Мажица, протекая через озеро Пальцево, она впадает в озеро Сестрино площадью 60 га, соединенному протокой с озером Волчино. Тоже вопрос: чья это сестра дала название озеру? Оказывается, в вепсском языке есть слово сестрикаине – «красная смородина». В новгородских говорах красную смородину даже называют сестреница. Название прибрежных зарослей красной смородины перешло на само озеро. Но славяне трудно произносимое «сестрикаине» переосмыслили на свой лад, назвали озеро Сестрино.

Больше всего различий в названиях озер с формантом – мля: Удомля, Хотемля, Гжемля. Это славянские названия, возникшие в V-VI веках н.э. с приходом славян на удомельскую территорию. Ареал этих топонимов хорошо вписывается в границы древнерусского Киевского государства, а если где и выходит за его пределы, то только в западные и южные славянские страны: Польшу, Сербию, Болгарию. Чтобы убедиться в славянском происхождении этих топонимов, достаточно заглянуть в историческую грамматику, чтобы познакомиться с

феноменом - мля. Если еще воспользоваться древнерусскими словарями, то обнаружим, что удъ – «часть, конечность, кусок»; гжа – «грязь», гжак – «кустарник», хот – «хотеть, желать» или первый слог дохристианского имени Хотимир, то названия озер, переведенные на современный язык, будут означать: Удомля – озеро, составленное из частей; Гжемля – озеро грязное или среди кустарника; Хотемля – желанное или то озеро, которое хотел, или озеро Хотена, Хотимира.

Всех чудес двуязычной топонимики в статье не перечислить. Топонимика – область знаний, способная по древним названиям топографических объектов определить их происхождение, историю. Мы коснулись только малой части топонимики – истории названий удомельских озер. В совокупности с озерными пейзажами, с жизнью людей на их берегах, с историей родного края топонимика создает неповторимый образ малой родины, от знания и ощущения которой возникает большое чувство, которое называется патриотизмом. Пусть этот патриотизм – любовь к Родине – распространяется только на свой район, на неповторимые озера, но это большое истинное человеческое чувство помогает жить, создает стимул делать добро родному краю, направляет в коллектив таких же влюбленных в Родину. И жизнь личная, соединяясь с общественной, приобретает особые краски. И хочется радоваться и творить. Вот такие удомельские озера.

Содержание.

Вступительное слово Г.Брюквиной «Сердце, влюбленное в Жизнь...»	3
1. Удомельские сказания	4
2. Самое древнее сказание	4
3. Сказание о Млеше и Марфе Посаднице	6
4. Сказание о средневековой Удомле	8
5. Сказание о Двинове острове	10
6. Сказание о Троице	11
7. Сказание о Спас-Ульстиме	13
8. Сказание о Яшкове	16
9. Сказание о Грозном	18
10. Сказание о Петрове	20
<u>ПЕРЕВОДЫ с украинского</u>	
<u>Л.П.Прокопович</u>	
Войны не было	24
О, не жалейте поэтесс	25
Осеннее	25
Как сон с кошмарами, ночами	26
Уже коснулась и меня	26
Аисты	27
Тебя, как сон, забуду тяжкий	27
Вступаю в день рождения, как в Храм	28
Осень	28
<u>Петро Ребро</u>	
Здравствуй, Берда! (Отрывок из поэмы)	29
<u>Иван Федотович Мудрый</u>	
Фронтовому побратиму	30
<u>Е.Ф.Соломонов</u>	
Там лучше	31
<u>Леонид Левицкий</u>	
«Недопетая песня»	32
Ручеек	32
За окном – кварталов дали	33
Паутина дрожит упруго	33
Зачем мне дом, коль день погожий?	34
<u>ИЗ ФРОНТОВЫХ СТИХОВ</u>	
У нас один, мой брат, характер	35
Как не любить?	36
На пути – гробы фашистских танков	36
Атака	37
<u>ПУБЛИЦИСТИКА</u>	
Снетковая путина	40
«Столыпинская реформа. Чему она может научить?»	44
Маленькие удомельские открытия	48

Откуда пошла удомельская земля.....	49
Легенда о Марфе Посаднице.....	50
Где родился А.А.Аракчеев?.....	52
Где жил и работал А.Г.Венецианов?.....	54
Где Левитан отыскал «Над вечным покоем»?.....	56
О нашем Василии Васильевиче Андрееве.....	58
Об удомельских озерах.....	65

Книга печатается по благословию Благодичинного
Удомельского округа игумена Аркадия (Губанова).

Организатор и вдохновитель проекта М.Е.Гвоздева.

Автор благодарит за помощь в издании книги:

- ✓ Удомельское литературное объединение «Чайка»
(руководитель Г.А.Брюквина),
 - ✓ Главу Удомельского района А.Л.Кушнарева,
 - ✓ Руководителя отдела по делам молодежи,
культуры и спорта Н.А.Глазунову,
 - ✓ Совет депутатов г.Удомли
(председатель Д.Л.Подушков),
 - ✓ ЗАО ТВП «Гидроэлектромонтаж»
(исполнительный директор Ю.А.Пустовой),
 - ✓ ООО «Коммунальщик» (директор Т.Ю.Матвеева),
 - ✓ ЗАО НПП «Интеграл» (директор А.А.Конюхов),
 - ✓ МП «Магазин «Книги» (директор Л.А.Добрянская),
- а также Надежду Павловну Берендт,
Олега Александровича Телегина,
Геннадия Ивановича Шишкова,
Любовь Михайловну Леонову
и коллектив редакции «Удомельской газеты»
(главный редактор Т.В.Галахова).

Компьютерный набор – А.А.Тарлакова
Дизайн и верстка – М.В.Федькова
Корректор – Л.Б.Назарова

